

Р. Дамиров

В. Гуров

БОЕЦ
Лихие 90-е

Валерий Гуров
Рафаэль Дамиров
Боец: лихие 90-е
Серия «Боец», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70244464

Аннотация

90-е забрали у него все – деньги, близких и спортивную карьеру. Взлет закончился травмой и жутким падением. Те, кто превозносил – отвернулись. Те, кто любил – ненавидят. Остались только честь, внутренний стержень и вера, что ты чего-то еще стоишь.

Но судьба дает ему второй шанс, после нелепой смерти сознание бойца переносится в 1993-й год в тело обычного работяги. Зарплату платят раскладушками, общагу приватизировали и просят на выход. Его снова хотят растоптать. Но боец не намерен сдаваться и хочет взять у девяностых все то, чего когда-то лишился. Выход один – участвовать в боях без правил. Вот только тело ему досталось хлипкое...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	60
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Валерий Гуров, Рафаэль Дамиров Боец: лихие 90-е

Глава 1

– Я правильно делаю, Сергей Иванович? – молодая подтянутая блондинка старательно выполняла тягу гантелей с опорой на скамью.

Глядя на перекаты ее выпуклостей, я все думал, на кого же эта смазливая девчонка похожа. Точно! Вылитая Алферова в юности, сразу «Черная береза» аж вспомнилась. И мою «подопечную», кстати, тоже Иркочкой зовут. Волосы до пояса в тугую косу схвачены, спортивные лосины обтягивают девичьи прелести так, что кажется вот-вот лопнут. Короткий топ напялила, а лифчик зараза такая, «забыла» надеть. Соски на мужиков топорщатся.

Эх! Двадцаточку бы мне с плеч долой! Ан нет, теперь я – Сергей Иванович. – В спорте давно «плаваю», больше тридцати лет, как капитан дальнего плавания. В какие только воды меня не заносило. Мастера спорта по боксу выполнил, кандидат по самбо, а еще есть несерьезный юношеский по шахматам. Было времечко, да...

– Правильно, спинку ровно держи, – подкорректировал я, положив ей руку на поясницу. – Тягу на выдохе делай. Вот... Умница.

На нас поглядывали трое парней, начинающие Шварценеггеры, блин. Юные тьюфяки-культуристы. Облюбовали пресс-машину, тренажер для жима ногами. Завсегда и зала. Вроде и занимаются, а вроде и нужный ракурс хитро выбрали, чтобы за прелестями юной богини наблюдать. Перешептываются, перемигиваются и ржут, как поросята похрюкивают. Молодые еще, горячие. Частенько в зале к девчатам клинья подбивают.

Я, признаться, конечно, сам в свои пятьдесят пять на баб еще заглядываюсь. Чего греха таить, хорошенькую юбку не могу пропустить. Так получилось, что последние годы холостой, но в зале пахать надо, а не шею сворачивать.

Поставив девочке правильную технику, я вернулся к скамье. Жим лежа. Как раз штангу собирал, когда Ирка отвлекла. Боковым зрением заметил, как один молодой отставил шейкер с протеином и ко мне пошел. Раздулся весь от своей важности, «крылья» распустил. Руки при ходьбе своей жизнью живут – антресоль ни дать, ни взять.

– Ну что, дядь Сереж, не списали тебя в утиль после того раза? – парень многозначительно хмыкнул. – Раз в зал снова пришел.

С этими словами молодой сел на скамью, кулаки упер в сидущку, трицепсами поиграл, как будто невзначай. Сам же

силушкой богатырской понтуется. Раздражает пацана, что ко мне девчонки молодые обращаются, совета спрашивают, а его стороной обходят. Зал – не клубешник, сюда не знакомиться приходят, а за результатом. Потому удивляться тут нечему. Я спокойно взял блин небольшого веса, чтобы штангу для жима на сорок килограмм собрать. Больше – не нужно.

«Я как Чак Норис, я очень крутой», – голоса колонки в тренажерном зале.

Вот и молодежь, попсы современной понаслушается и понтов не соберешь. Я когда только по спорту начинал двигаться, в подвальной качалке пыхтел, мы там с парнями рок слушали – Цой, Гражданская оборона, а не вот это вот все лакшери с кондиционером. И девчат тогда в зале днем с огнем было не сыскать. Лампочка Ильича на потолке с разводами, стены голые бетонные, железо и вместо протеина – яйца куриные. Сырые, конечно же.

Увидев, что на подколы я не реагирую, молодой с другой стороны решил зайти.

– Не надорветесь от такого веса?

Молча надеваю блин, фиксирую.

– Гликолитические мышцы на малых весах не вырастут, дядь Сереж! – умничает, статей интернетовских начитался.

– Сам понял, что сказал? – я разминаться начал, взмахи руками. – Сбрысни, некогда мне лясы точить.

О всяких суперсетах, предварительном утомлении, дроп-

сетах, пацан похоже не слышал. А потом удивляется, чего к нему девчата с накаченными ягодицами за советом не подходят. И вообще, не его дело, почему я решил с малым весом поработать. С возрастом спина все больше дает о себе знать – грыжа позвоночника, чтоб она не ладна. Старая травма аукается. Вторую неделю с уколов не слезаю, а зал тянет, зараза такая.

Конечно, завязывать пора, это я понимаю, что у всего хорошего свой конец наступает. Так и мой путь спортивный самое время заканчивать. Но куда без спорта то? Спорт для меня, как частичка души, как член семьи. Пусть я и в шаге от высот остановился и теперь на заводе пашу. Я так по жене ушедшей не убивался, как когда травму получил. Тамарка, моя бывшая, тоже коза – деньги есть, орлом летаем, денег нет, так иди ты в пень Сергей, я на тебя всю молодость потратила. А в былое время я хорошо так зарабатывал, помню турнир по боям выиграл, так десять тысяч рублей срубил.

Впрочем, это уже неважно. Главный вопрос сейчас – чем заполнять пустоту на месте спорта. Непонятно совершенно. Это, как собака старая, слепая. Вроде, усыпить надо, чтобы не мучилась, да жалко, мало ли еще поживет. Так и я в зал ходил по старой памяти. И хрен бы с этим, только с недавних пор молодые завистники появились.

Полагая, что разговор закончен, я прилег на скамью, готовясь выполнить упражнение. Но пацану нейдет, обошел скамью, встал возле меня и руки на гриф положил.

– Вас подстраховать? – решил шутку высечь, искромет.

– Тебе прошлого раза мало, молодой? – я за гриф взялся, бровь приподнял, толсто и прозрачно намекая, что сваливать ему надо. – Уебен зе битен, Артур, не до тебя сейчас.

В прошлый раз этот урюк меня на «посостязаться» вывел. Приседали с весом. Я его молодого дурака обыграл, технично повторы делал, а он сдох. Вот и злость держит до сих пор.

– Дядь Сереж, ты в прошлый раз неделю в зале не появлялся, – захихикал Артурчик. – Это после приседа тебя повело?

Двое его друганов, что стояли чуть поодаль возле пресс-машины, в голос заржали. Девчонка закончила упражнение и отставила гантели. Вроде воду пьет, а сама с любопытством косится на нас, чего к Сергей Ивановичу прикопались. И главное – как я отвечаю ждет.

Вот же козел... знает, как пронять и на больную мозоль надавить. Но и я молодец – переспелый огурец. Как почую, что соревнования намечаются, так в первых рядах сразу.

Поднимаюсь со скамьи. Ну вот началось в колхозе утро, нет бы мимо ушей пропустить подколы, сам же потом на уколах лежать буду, от боли на стенку лезть...

– Сколько жмешь? – сухо спрашиваю.

– Сто пятьдесят, – довольно заявляет Артур.

Окинул молодого взглядом. Весом за девяносто, отличный показатель сто пятьдесят килограмм при такой комплекции. Немного до кандидатской нормы пацан не дотяги-

вает. От того борзый такой. Знает свои возможности, этим и пользуется. Павлином ходит... Я таких Артурчиков в молодости левым мизинцем правой ноги разматывал. Когда пацан сиську у мамки сосал, я уже на Европу ездил, по боксу, бронзовым призером был. Был, правда. Да сплыл. Спину еще в 1993 году сорвал – грыжа, а только ведь жизнь на полную катушку началась. Тогда на спортивной карьере пришлось ставить крест. Много на уколах не побьешься.

Я же потому и железом занялся, чтобы мышцами спину забить, каркас укрепить, так один толковый доктор посоветовал. Правда, последнее время плохо помогало – спина болит после каждого посещения зала. Да и годиков мне уже не двадцать пять, а шестой десяток.

По-хорошему, надо было на хрен послать молодого. Пусть с ровесниками соревнуется. Но мой чертов боевой задор не дает спокойно встретить старость. И обидно же сука так, что от меня ничего не зависит... Пока размышлял, слова словно сами по себе вылетели.

– Давай кто больше вес выжмет, – буркнул я, глядя на Артура исподлобья.

– Э-э... – Артур удивился, но сориентировался быстро. – Дядь Сереж, я только уборщицу позову, ну чтобы, в смысле, песок вымела?

– Какой песок? – не понял я.

– Который с вас посыплется!

Снова заржали, как кони тыгыдымские.

Я взглядом вымерил шутника. Кулаки сжались произвольно. Щелкнуть что ли по лбу? Вон девчонка, что у меня совет спрашивала, наблюдает, не уходит... Сучонок малолетний, спецом подошел ко мне, за мой счет в глазах у людей возвыситься. Не выйдет только ничего. В молодости я норму мастера спорта по жиму в 190 килограмм выполнял – так с ребятами на сборах развлекались. От того, кстати, и бил перчаткой, будто копытом – разовый удар нокаутирующий присутствовал, в тяжелой выступал и соперников, как карточные домики складывал на канвас. Не каждому дано. Поэтому знал, что сейчас пацана на жиме обыграю. Сто девяносто, конечно, не потяну, но норматив кандидата – чем черт не шутит. Придется правда потом пояс из собачьей шерсти на поясницу цеплять, кеторолом обкалываться.

Но оно того стоит, эту заразу проучить ох как надо.

– Ты давай меньше языком чеши, Артурчик. Покажи, как надо, а я к твоему весу прибавлю и повторю, – заявил я. – И так, кто первый не сдохнет.

– Не бойтесь, дядь Сереж, что вас из зала вперед ногами вынесут?

– Своё я уже отбоился.

Артурчик удивленно переглянулся с пацанами, те только плечами пожали. Подошел к штанге, блины стал натягивать, вес нужный себе выставил. Сто пятьдесят килограммов, как и хвалился. Сразу решил на свой личный рекорд пойти. Друганы к скамье подошли – по сторонам от стойки

встали, страховать собрались.

Прилег Артурчик на скамью жимовую, за гриф взялся, выгнулся – размялся. Хлоп! И через пару секунд на жим вышел. Штангу довольно уверенно взял, но я опытным взглядом его окинул, сразу понял, что вес этот – его максимум, больше не вытянет. Так и произошло, штангу Артур с трудом удержал, когда опускать начал.

– Давай Артур, давай! – пацаны подбадривали.

Нервничают, что старый хрен их кента обует.

Артур выжимает. С трудом, с ревом, но жим выполнил.

Друганы помогли штангу на место вернуть. Артур с малиновым лицом уселся на скамье и гордо подбородок вскинул, на меня уставился:

– Ну что дядя Сережа? Твой черед.

Я что? Жестом показал, чтобы молодежь сдрыснула. Два по пять блинами к штанге добавил. На скамью лег. Будет им дядя Сережа.

К жиму приступил. Ладони на гриф легли по рискам, я сосредоточился, спину, как полагается, выгнул мостиком. Так проще жать. Пацаны на подстраховку встали, положено так. Снял штангу, руки выпрямил, гриф чуть подрагивает. И-и... Р-раз! Чертова спина тут же загудела – но внимания не обращаю. А зря. Потому, как только штанга вниз пошла, в позвоночнике стрельнуло.

Ох ты ж, твою мать! Держи, Сережа! – подбадриваю сам себя.

Но глаза, как пеленой, резкой болью заволакивает. Руки гуляют предательски, как две макароны переваренные. Парни на месте не стояли, на подстраховку бросились, но куда там. Штангу я не удержал и все 160 килограмм железа на меня почти с метровой высоты бухнулись...

Последнее, что я успел услышать, это хруст собственных ребер. А потом все как оборвалось...

* * *

– Поднимай, Витя скорее, он убьется!

Так прозвучали первые слова после «паузы». Кто убьется, как убьется? О чем вообще речь...

Мысли резко оборвались. Ох ты ж, как нехорошо прихватило в груди. Ощущения такие, будто конь в душу дал, копытом. Да тут не конь даже – я понял, что не дышал, и первый вдох будто раскаленной кочергой по легким отдался. Память услужливо подсказала, что происходит – ты, Сергей Иванович, старый хрен, штангу на себя уронил. Не удержал.

Второй вдох – легче, хотя чувствовал, как от боли глаза на мокром месте, слезились.

– Сережа ты живой?

А это громко так, прямо на ухо выпалили. Ирка что ли? Так голос не ее, да и чего бы девчонка так обо мне беспокоилась. Она вроде «женатая» и на «ты» мы не переходили.

Живой я... что за кипиш на ровном месте устроили.

Не скажу, что такое первый раз случилось, но фанера у меня крепкая. Проверено. Вспомнилось, как однажды штангу ронял, правда не свысока и по молодости дело было, но и ничего. Поболело пару дней, да перестало. Хотя по первой ощущения такие испытывал, будто мне Саша Поветкин привет передал.

Ладно, сейчас разберемся что к чему. Открыл глаза и понял, что передо мной звездочки мелькают, в ушах звенит, как звонок на школьной перемене. Но в себя постепенно прихожу.

– В скорую звони, в скорую Витя! – истерично вопил, тот же женский голос, уже не над ухом, подальше.

– Не надо скорую, оклемаюсь...

Это я собственный голос услышал, и не узнал его. Вроде я сказал, а вроде голос совсем молодой, звонкий. У меня ведь, как ангиной жуткой переболел в 2002, хрипотца появилась. Может так после «штанги на грудь» поправило, что не своим голосом заговорил?

Наконец мерцание в глазах исчезло, картинка прояснилась. Вижу, как передо мной склонились двое молодых ребят, едва за двадцать. И понимаю, что никого из них не знаю. Может, новенькие... в зале оно ведь как – желающих свои силы попробовать тьма тьмушая, а вот чтобы на постоянной работе – единицы. Отваливается народ, когда узнает, что для здорового и сильного тела надо пахать, как папа Карло без продыха.

– Вить, давай его в медпункт отведем, а? – предлагала кому-то девушка.

Я вот на нее посмотрел, пусть еще косыми глазами, и понял ровным счетом, что-то с ней не так. У нее такая внешность... как у Ленки моей однокурсницы, когда мы с ней в 93 году на первую свиданку пошли. До сих пор помнилось – круглая объемная челка, блестящая красная обезьянья куртка из вискозы, рваные джинсы. Парень тоже выглядел любопытно. На нем яркий спортивный костюм с контрастными полосами кислотных цветов. И эти усы... Молодой вроде, а усы уже щеткой торчали, как у моржа.

– Все в порядке, не надо никуда, – уселся на скамье, помассировал виски. Вроде как на грудь штанга упала, а голова гудела, как дом советов.

Пока поднимался, заметил, что на ногах у парня туфли вместо кроссовок.

– Вставай, – незнакомец по имени Витя кладет руку мне на предплечье.

Парень – здоровый лось, причем видно, что не на химии мясо накачал, натуральный такой бычок. Хорош, сейчас таких раз два и обчелся, всем быстрый результат подавай на дешевых китайских анаболиках.

– Руку убери, – ответил я раздраженно, одернул плечо.

Может и не надо так жестко, народ все же хочет помочь, доброжелательная вроде такая парочка, пусть и странная. Но меня изнутри аж подмывало, надо же так облажаться,

чтобы штангу на себя уронить. Какой позор на мои седины... поэтому, уж извини, пацан, но я не мастер делать хорошую мину при плохой игре. Если хреново, то мне хреново и лукавить не буду.

Витя все близко к сердцу принял, к его лицу кровь прилила.

– Пошел ты! Вот так, тебе помогаешь, а ты посылаешь! Сам готовься к своему бою с такими благодарностями, – возмутился он.

К какому еще на хрен бою? Он вообще о чем? Я последний раз дрался в середине 90-х, а потом в боях на ринге не участвовал, иногда лишь спаринговался для поддержания формы. Я продолжал виски растирать и пытался сообразить, о чем речь и почему этот самый Витя со мной разговаривает так, будто мы вместе овец пасли. Пригляделся, морда молодежавая, лет.... Подбородок как у старины Лунгрена – рубленый. Лоб как у неандертальца бронявый, но глаза умные и чутка добрые. Нет... Точно его не знаю. Впервые вижу... Голова гудела, пока я пытался мысли сформулировать, в меня полетело полотенце.

– Блины на место положи! – фыркнул усатый и вышел из зала.

– Вить, ну чего ты, он же в себя не пришел... – пыталась его остановить девушка, но ничего не вышло.

Я взгляд на штангу перевел и почувствовал, как брови на лоб поползли. Есть чему удивиться – штанга не такая, как я

в зале тягал, а ржавая, блины в рыжей корке без резиновой оболочки, где они откопали такой снаряд? Да и вес смешной. Килограмм восемьдесят от силы. Но именно эту штангу с меня ребята стащили.

СТОП!

Я ведь другой вес поднимал. Да и штанга тоже другая была, да и какого черта творится с моим голосом? Глюк что ли словил? Наверное, из-за того, что бывшее время в подвальной качалке вот такое ржавое железо тоннами тягал. Вот и чудится хрень всякая. А вообще, конечно... Что «вообще» не успел додумать, потому что у меня, в прямом смысле этого слова, челюсть отпала.

Твою дивизию! В старом зеркале на стене, я увидел молодого паренька, сидевшего на скамье для жима. Тоже уса того! Щуплый, чуть сутуловатый, я последний раз в такой комплекции в восьмом классе был. Бин, но тот парень в отражении – я. Проверил догадку – рукой помахал и отражение в зеркале помахало со мной синхронно. Девчонка в рваных джинсах благо не заметила, за Витьком метнулась.

И тут как по голове бухом огрело. Это что получается?.. Похоже, меня штангой так крепко придавило, что совсем крыша поехала. Ага, точно... Глюки все это. Как еще объяснить, что вместо современного и комфортного зала, я вдруг попал в качалку, аля Люберцы 90-х годов. Вон потертые чугунные гири в уголку стоят, томятся. На блеклой, выкрашенной в зеленую краску стене пришпилен плакат с Ван Даммом

с надписью «Кровавый спорт». Под ногами доски скрипят. Краска с них слеза, вмятины и потертости. Без резиновых ковриков пол оказался беззащитным перед грубым железом. Тренажеры вокруг ржавые и колченогие, такое ощущение, что сварены из подручного материала... чистый хардкор и олдскул.

– Сереж, зря ты так грубо с Виталиком, сам же позвал его помочь! – всплеснула руками девушка, которой так и не удалось остановить усатого качка.

Такс... В моем глючном сне можно общаться. Это гуд. Не скучно в коме лежать. Немного остывая от первых эмоций, я вымерил ее взглядом. В отличие от моей однокурсницы Ленки, фигура у девочки вполне ничего, хотя немного спорта ей бы не помешало. Правда в зале она явно не для того.

– А ты кто такая, мать? – спросил я в лоб.

– Я кто такая... – она растерялась, растерянная улыбка сменилась вдруг на злость. – Знаешь, Сережа, а я вот рада, что на тебя штанга упала! Хоть немножко у тебя самоуверенности поубавиться. И вообще, не зря Куропаткин говорит, что ты козел!

– Понятно, – я прослушал ее выпад в пол уха, продолжая оглядываться. – А где я нахожусь вообще, сориентируешь козла?

– Ты еще и под дурака косишь, ну-ну. На заводе ты! – с этими словами она развернулась и поспешила за своим Ви-

таликом.

Но на выходе замерла, обернулась и нехотя бросила в мою сторону:

– Кресов! Вообще-то тебя начальник вызывает!

Глава 2

Глава 2

Следующие десять минут я сидел на скамье для жима, ждал, когда приход закончится и меня отпустит. Но и через десять минут, и через пятнадцать, ни хрена не изменилось. Нынешняя реальность – теперь моя. Такое пришло понимание. Твою мать! Как обухом по голове стукнуло, когда окончательно дошло, что в «себя» прежнего, я так и не вернусь. Теперь моя грешная душенька вынуждена ютиться в новом странном теле. Додик в отражении зеркала и есть я! Вспомнились вдруг слова из песни Владимира Семеновича: «Хорошую религию придумали индусы – Что мы, отдав концы, не умираем насовсем».

Получается, что я окончательно крикнул в том своем теле? Но почему я не отправился к праотцам, черт побери?! Либо я неправильно прожил предыдущую жизнь, либо новое тело дано для возможности исправить ошибки? Разве такое возможно?

Я всегда относил себя к тем, для кого стакан наполовину ПОЛОН, а не пуст. Так что, не хрен сопли распускать, в новом положении, определенно, есть и свои плюсы.

Поднялся, подошел к зеркалу и принялся себя разглядывать. Понятно, слава богу, мезоморф – плечи, хоть и некази-

стые, но пошире жопы, талия прослеживается. Руки так себе, но не веточки. Не Геракл, но мышца среднего пошиба все-таки имеется, и жирок равномерно распределены. Судя по кондициям, прежний телообладатель в зал не ходил (кстати, куда он делся?). Если и ходил, то по большим праздникам... Мышцы явно тяжелее стула ничего не поднимали, к нагрузкам неприученные. Хотя задатки хорошие, надо признать. Поработай с такой заготовкой, и выйдет толк. Генетика норм, вроде.

Я послунялся по залу, раздумывая «кто виноват и что делать». Новые «друзья» ушли, оставив меня куковать одного. Девчонка вовсе сказала, что меня на прием начальник ждет. Что за начальник? Завода походу. Но мы сейчас это дело выясним. Я решил, наконец, выйти из зала и осмотреться. Правда, не успел дверь открыть, как меня тут же облаяли.

– Вы все убрали, физкультурники? – слышался старушечий голос.

Оказался в коридоре посреди которого стоял старенький стол-книжка, герой советских праздников. Одно «крыло» стола оказалось «расправлено», на нем стоял допотопный аппарат – телефон с дисковым набором и стакан с чаем и чайной ложкой.

За столом на табурете чинно восседала старуха с ядерной химией на голове. Она зыркала на меня как мангуст на змею: – Свет за собой выключаем и ключи сдаем!

Во как. Я в спор вступать не стал, свет выключил, качалку

закрыл. Пошел старухе ключ сдавать – на стол положил.

– Расписываемся, молодой человек! – она подвинула ко мне серую потрепанную амбарную книгу допотопных времен.

Раз надо – пожалуйста, я оставил подпись, и тут же с удивлением бровь приподнял. В строках выше, где другие расписали, стоял год – 1993. Покосился на бабулю.

– Число какое сегодня?

– С утра двадцатое августа было!

Я понял, чего старуха злиться – рядом со столом стоял второй табурет, на нем тазик с вязанием. Носки бабушка вязала, а я такой бессовестный ее от дела важного отвлек и стол занял.

– Год девяносто третий ставить?

– Да хоть девяносто второй!

Старуха обернулась к стене, где висел шкафчик с ячейками. Взяла с одной из ячеек ледериновые корочки бледно-малинового цвета, положила на стол:

– Чего вылупился, умник, пропуск забирай.

Забрал, раскрыл. С пропуска на меня смотрела молодая рожа парня из отражения в зеркале. Нового меня. Выдан на Сергея Ивановича Кресова – фамилия имя отчество полностью с моими совпадают. Уже хорошо. Под печатью «Отдела кадров», цех указан № 4. А вот срок действия окончательно ответил на вопрос о годе. Пропуск был действителен до 31 декабря 1993.

– Кресов, а тебе носочки не нужны вязаные? – вдруг переключила гнев на милость старуха.

Носки мне были без надобности. Так что спасибо, но откажусь. Сунув пропуск в карман спецовки (именно в спецовке обладатель предыдущего тела в зал пришел), я поднялся по крошащимся бетонным ступеням на улицу. Летнее солнце ослепило глаза, ветер разгонял душный воздух. По ощущениям жара под сорок градусов. У нас в городе такого отродясь не бывает. Летом дай бог, чтобы до двадцати градусов ртуть поднималась в термометре. А здесь пекло. Значит, меня куда-то на юг занесло. Да еще и в девяносто третий. Полный абзац...

Оказалось, что качалка находилась в цокольном этаже двухэтажной постройки из красного кирпича. Проходя мимо окна первого этажа, я заглянул внутрь через распахнутые створки. Помещение заставлено потертыми письменными столами с выдвигаемыми ящиками, за которыми трудился народ. Компьютеров и в помине не было, на столах куча бумаг, – стопки папок с надписью «ДЕЛО», к которым были подшиты чертежи. Настольные лампы с громоздкими железными колпаками и ватманы. Народ занимался тем, что обводил чертежи тушью. Сами окна деревянные, открыты нараспашку, краска некогда белая, теперь потрескалась и стала цвета топленого молока.

Понятно, конструкторское бюро. Очевидно, что я на крупном промышленном предприятии. Рядом со зданием

КБ стояла кара, выкрашенная в желтый цвет, на ней погружены стопки чертежей, в архив везти. В кабине кары спал водила, сложив руки на руль. Будить товарища я не стал, сон – это святое. От бюро отходила дорога с потресканным асфальтом, из трещин торчали сорняки, а само покрытие местами присыпали гравием, чтобы ямы скрыть. Асфальт витиевато вел к другой, более крупной дороге, куда лучше залатанной. Прямо сейчас по ней ехала «девятка» болотного цвета, из окон которой «Ногу Светло» блажило:

...Рамамба Хару МамбуруРамамба Хару Мамбуру...

Ясно. Я проводил взглядом «девятку» со старыми советскими номерами. Следом заметил мужичка, копошившегося в клумбе с рассадой. Вот сейчас все узнаем. Подошел к клумбе, ногу на забор поставил, на колено оперся и спросил так, чтобы мужичок не подумал, что я пошутить решил.

– Отец, а как наш завод по бумагам называется? Мне заявление писать.

Мужичок не отреагировал, и я решил, что он вопрос не расслышал, повторил. Тот повернулся, завидев меня едва заметно вздрогнул. Глаза выпучил. Показал, что не слышит. Мужик глухонемой. Принял, понял – отваливаю. По «ихнему» я был не в зуб ногой, но некрасиво будет уходить не попрощавшись, поэтому я махнул мужичку рукой и улыбнулся.

– Серега!

Я обернулся, услышав свое имя, и увидел за спиной еще

одного мужика, только помладше глухонемого, лет тридцати на вид. Он сидел на корточках у входа в здание, расположенного рядом с КБ. Курил, щурясь от сигаретного дыма. Кто он, такой понятия не имею, но он меня очевидно знает.

– Ты че, заблудился?

– Солнце голову припекло, – ответил я, подходя к мужичку поближе.

Руку подал.

– Ты че, с дубу рухнул, виделась же, – удивился мужик, но руку из приличия пожал.

– Говорю припекло, запомятовал. Жарко сегодня.

– Сегодня жарко? – мой собеседник хмыкнул. – Вчера да, мозги плавилась, а 35 градусов для Ростова – вполне себе рабочая погода. Ты давай это, прекращай ныть, пфу, – мужичок выдохнул дым «Примы» без фильтра, табак прилипал к губам, и он его сплевывал. – Тебе еще сменное делать. Инструмент нашел у Прасковьи Никитичны?

– Неа, – я то и знать не знал, что инструмент какой-то ищу. – Не нашлось.

Похоже, что мой предыдущий обладатель этого тела свинтил в рабочего время в качалку под предлогом «найти инструмент». Пришлось соврать, чтобы себя не выдавать. Так то я понятия не имел, кто такая Прасковья Никитична.

– Ну я тебе говорил, что она не даст, развертки на вес золота, что с советских времен осталось. Ладно, придумаем что-нибудь, в тележках дырки ковырять под болты это тебе

не тоже самое, что в качалках под запрессовку подшипников. А прикинь, я краем уха слышал, что нас еще раскладушки делать заставят в следующем квартале, – вздохнул мужик. – Будем блин зарплату раскладушками получать, чует моя жопа... Курить будешь?

Достал пачку «Примы», протянул мне.

– Бросил, – я не курил в прежней жизни, если не считать баловства в юношеские годы, и в новом теле тоже не собирался начинать.

– Когда ты блин успел... точно голову припекло, – мужичок потушил окуроч, сверху поплевал и выкинул в ближайшую клумбу, похожую на ту, в которой глухонемой возился.

– Короче, попробуем развернуть сверлом, хрен бы с ним. К инструментальщику сходи – он тебе как надо сверло посадит. И да, ты к начальнику ходил?

– Нет, – пожал я плечами.

– Смотри, он уже два раз спрашивал, где ты шляешься, к себе вызывает.

– Зачем?

– Я ж откуда знаю. Вот у Ильича и спросишь, только ва-режку особо не разевай, он сегодня не в духе. С заводоуправления прямо на нашей планерке мастеров звонили, и шею ему мылили. Какие-то там соревнования намечаются, хрен пойми что, – мужичок отмахнулся. – Тут всерьез подумываешь о том, что зубы на полку положить, а им соревнования...

С этими словами он поднялся, смахнул пот со лба, потя-

нулся, широко зевая.

– Ладно, хватит штаны протирать. Давай дуй к Ильичу в кабинет, а я пока в инструменталку за сверлами схожу.

Я проводил его взглядом. Мужик похоже мастер производственного участка, на котором работал прежний обладатель моего нового тела. А я, судя по тому, что речь о развертках и сверловке – слесарь. Получается, что я нахожусь в Ростове-на-Дону, на дворе 1993 год, лето. В Ростове я пару раз приезжал на соревнования по молодости и хорошо запомнил, что крупных промпредприятий в городе всего два: «Роствертол» и «Ростсельмаш». Я либо там, либо там. Ну хоть какая-то конкретика появилась. По хорошему следовало имя своего мастера узнать, но это выглядело бы через чур подозрительно. Успеется.

Постояв еще с минуту и поглазев на пекущее летнее солнце Ростова, я решил наведаться к начальнику. Уже второй человек говорит, что меня вызывают на ковер. Надо бы сходить и разузнать что по чем в нашей Белокаменной. Заодно выведать немного больше по месту и ситуации, в которой я оказался. Сейчас я себя чувствовал слепым котенком и не понимал, что делать дальше, требовалось больше информации. Ответов я получал куда меньше, чем возникало вопросов в голове.

Пошел в цех, в этот момент глухонемой выковырял из клумбы окурков, брошенный мастером, и раздосадовано всплеснул руками. Ага, свиньи, не говори.

Заходя внутрь, сразу понял, что снаружи, где «припекает», на самом деле даже прохладно. Внутри цеха как будто случилась экологическая катастрофа – жара, как в Сахаре и душно. Пушки, установленные в рядах, только гоняли прелый воздух туда сюда. Майка под спецовкой тотчас взмокла и прилипла к телу, горло пересохло. Работать в таких условиях казалось совершенно невозможным, но рабочие с по-нурыми лицами пахали, им то не привыкать.

В цехе оказалось довольно чисто. На входе стояли контейнеры, забитые под завязку стружкой. Причем сбор раздельный – дюраль в один контейнер, сталь – в другой. По левую сторону от широкого центрального прохода шло три ряда. В первом ряду стояли станки токарей, следом шли фрезеровщики и последним слесарный ряд. По правую сторону шли помещения с железными дверями и табличками «ГОСК», «МАСК». У одной из таких стоял мой мастер, наполовину просунувшись в окошко, вмонтированное прямо в дверь. Инструменталка, а мастер сверла выбивает. Помимо условного «первого этажа», здесь имелся и второй. На него вела лестница с металлическими ступеньками. Там вдоль нее тянулись другие кабинеты.

Не успел толком оглядеться, как передо мной вырос еще один мужичок. Этому было лет сорок, нос острый, вставные зубы куполами блестят. Судя по тому, что держит в руках фрезу – фрезеровщик.

– Серюня, сообразим на троих? Михалыч зовет.

– Откажусь, – я вымерил нового собеседника взглядом.

Куртка спецовки вокруг пояса рукавами повязана, майка как у меня пропотевшая с кучей мелких дырочек – от раскаленной стружки. На ногах ботинки с просверленными для вентиляции отверстиями. Он вылупился на меня и, судя по тому, что его глаза в кучу сбились, работяга уже успел на грудь принять и хочет поверху догнаться.

– А чего так, ты че уже вмазанный, почему отказываешься? – искренне удивился он.

– Не хочется просто, голова болит.

Я похлопал собеседника по плечу и внушительно кивнул, прямо давая понять, что тема с алкоголем закрыта.

– Мне Витька технолог сказал, что ты штангу на себя уронил. Ты как? Оклемался?

– Жить буду, – подтвердил я, отвесив улыбочку.

Сам для себя отметил, что Витька, судя по всему, мой коллега, язык за зубами не может держать и уже всем о случившемся растрепал. На заводе ведь как – что знает один, то знают все. Ну а если я в нерабочее время ходил в качалку упражняться, а он контору спалил, то неудивительно, что меня начальник в кабинет вызывает. Теперь чуточку яснее стало и понятно хоть чего ожидать. Спасибо фрезеровщику.

Я думал дальше у мужичка спросить, как к начальнику идти, когда откуда-то сверху послышался вопль раненого кабана.

– Кресов, твою мать! – прихрюкивая, орал мужик в меш-

коватом сером костюме, слюни аж в разные стороны летели.

– Это начальник? – я покосился на фрезеровщика.

– А кто ж еще, Хрюшкин, чтоб у него на лбу вырос...

* * *

Вход в кабинет Хрюшкина стерегла секретарша. Молодая девушка, занятая в разгар рабочего дня тем, что подпиливала ногти маникюрной пилкой. Красотка брюнетка в белой блузке, и в приталенной юбке строго фасона, не оставила своего занятия, даже когда мы с начальником зашли внутрь. Только мимолетно зыркнула на меня через свои очки, но поняв, что перед ней обычный работяга, мигом потеряла интерес.

– Любочка, зайчик, сделай кофе, – бросил Хрюшкин, вытирая клетчатым носовым платком взмокший лоб.

Судя по всему, у начальника с секретаршей имелся собственный мирок, где они занимались чем угодно, но не рабочими вопросами.

– Никита, Кресову тоже делать?

– Обойдется этот тунеядец, – зло буркнул начальник и обернувшись ко мне, показал, что я могу заходить внутрь кабинета. – Вперед.

Внутри царила прохлада. Работал кондиционер – новенький БК 1800 морозил куда лучше всяких Самсунгов. Такие аппараты работали и тридцать лет спустя, причем зача-

стую без дозаправки фриона. Ясно стало из-за чего начальник Хрюшкин решил сидеть в кабинете в пиджаке. Пока рабобяги сдыхали от жары в цеху, начальник мерз в свое удовольствие в кабинете. Считал, видимо, что пар костей не ломит...

Практически всю площадь кабинета занимал стол для совещаний с графином посередине и стульями по бокам. На один из них мне и было предложено присесть.

– Секундочку подожди, – Хрюшкин взял с подоконника газету «Советский спорт» и услужливо подстелил мне под задницу, чтобы я своей спецовкой стулья не пачкал.

– Вот теперь садись.

Пока я усаживался, начальник подошел к холодильнику «Минск», который ютился в углу. Открыл, вытащил пузырь запотевшей «Столичной». Из верхнего ящика комода достал рюмку и плеснул в нее водяры. Кстати, я заметил, что на пиджаке начальника приколот значок с надписью «СССР Ми 24» и нарисован вертолет. Понятно теперь, мы на «Роствертоле», комбайнами здесь даже не пахнет. Интересно девки пляшут...

– Тебе не предлагаю, Кресов. Не заслужил.

– А я и не прошу, Хрюшкин, – безобидно ответил я.

Начальник как-то побледнел после сказанного мной, галстук ослабил, пуговицу верхнюю на рубашке расстегнул.

Хлоп.

Водки закинул за воротник, следом за сигаретами полез –

тоже в комод, только во второй ящик. Этот товарищ, в отличие от моего мастера, курил красный «Мальборо». Вслед за пачкой сигарет, на столе появилась табличка, тоже из комода, прежде убранная. Теперь начальник ее на стол, как бы между прочим, поставил. Я глазами – раз, и по табличке скользнул.

Рюшкин Никита Ильич, начальник цеха № 4

Неудобно получилось... видимо работяги, показывая свои чувства к начальнику, вставили в его фамилию лишнюю букву – «Х». И вместо Рюшкина, Никита Ильич превратился в Хрюшкина. Ну дыма без огня не бывает, просто так фамилии никто не коверкает.

Хрюшкин (я решил от трудового коллектива не отбиваться и продолжил про себя называть начальника через «х»). Никита Ильич закурил. Положил локти на столешницу, подбородок на ладонь упер и глубоко сигаретой затянулся.

– Кресов, ты охренел? – выдал начальник. – У тебя завтра событие важное, а ты значит съехать решил?

Какое событие, куда съехать? Я не нашел, что ответить. Решил послушать Хрюшкина дальше. Пока очень непохоже на профилактический втык от начальника подчиненному. Здесь явно что-то другое.

– По травме съехать собрался, козел? – первую сигарету начальник докурил, потушил в бронзовой пепельнице и достал из пачки вторую.

– Уважаемый, по порядку давайте, и тон сбавьте, а то ведь

раз козел, могу забодать, – наконец, ответил я.

Хрюшкин покраснел, посинел, глаза выпучил, резко встал из-за стола. Затянулся, за раз половину сигареты спалил и ко мне подошел.

– Ты че из себя возомнил, чучело огородное, – продолжил распыляться он, слюни в разные стороны опять летят. – Я же тебя как шавку за забор выки...

Не договорил.

У меня аперкот самим собой вылетел. Кулак под дых Хрюшкину воткнулся и согнул начальника пополам. Терпеть не могу, когда варежку кто-то разевает и на личности переходит.

– Кхе-кхе-кхе, – Никита Ильич закашлялся, пятясь к столу.

Своей увесистой задницей смел пузырь «Столичной» и пепельницу с окурками. Но крепкий какой – сигарету из пальцев не выпустил.

В кабинет вдруг зашла Любочка с подносом, на котором стояла чашка кофе

– Никита Ильич, с вами все в порядке? – тарасилась она расписными глазищами.

– Никита Ильич подавился, – я взял кофе с подноса и дверь перед лицом секретарши захлопнул.

Не знаю, чем это боров подавился правда, разве что собственной желчью. Начальник, красный как рак вареный, сел за стул и тяжело дыша, смотря на меня с прищуром. Зырк-

нул на телефон.

– Ты за языком следи, Хрюшкин, а то без костей, – я поставил чашку кофе перед ним.

Обратил внимание, чашечка то непростая, а фирменная – знаменитая Nescafe, которая, если мне память не изменяет, в России только в середине 90-х появится. Начальник у нас еще и прибалтанный оказывается.

Однако следом Никита Ильич выдал такие слова, что я обо всем забыл разом.

– Сука, Кресов, вот если ты завтра бой не выиграешь – уволю на хер...

Опа... Я уже думал, что после такого, точно здесь не работаю, а оказывается, я начальнику пока нужен, что он удар поддых стерпел. Для боя какого-то нужен...

Глава 3

Глава 3

– Какой еще бой, Никита Ильич? – сухо спросил я, когда начальник выговорился.

– Ты еще издеваешься... – зашипел Хрюшкин. – Тебе Марат что-то сказал, про звонок из заводоуправления?

Издеваюсь... ну так себе предположение. Я терпеливо потер ладонями колени, честно пытаюсь разобраться – что за Марат и о каком звонке речь. Тут куда больше похоже на то, что издевались надо мной. Примерно с тех пор, как я открыл глаза в качалке. То, что на дворе теперь 1993 год – понял. Что я молодой слесарь на промышленном предприятии – принял. Но какой к пугалу огородному бой? У моего нового тела ни функционалки, ни навыков – все в около-нулевой плоскости. Для боя я приспособлен, как балерина к уборочной. Выступить в таких кондициях только по шахматам или домино в дворовой беседке. Ну, городки еще могу попробовать. Хотелось больше конкретики.

– Не издеваюсь, просто интересуюсь, – сказал я, видя, как заерзал Хрюшкин, снова за «Столичной» в ящик полез. – Мало ли после звонка изменилось что? Правила там, соперник поменяли?

Подмывало прямо сказать этому Хрюшкину, что я час

как очухался в новом теле и времени. И информацию о новой реальности добываю в час по чайной ложке, со скрипом. Но как тут сказать? Сразу желтый билет вручат и здравствуй местная дурка, на манер «и тебя вылечим». Хотя... может зря мучаюсь, все куда проще? В первой половине девяностых звезд тьма тьмущая. Чумаки, Лонги. Народ вон мертвых на ноги подымает играючи, бровью не пошевелив, и воду через телевизор заряжает, а я чего лох? Так что где наша не пропадала. Скажу, что я накануне рухнул с инопланетного корабля – прошу любить и жаловать. Поверят же. Внимание уфологов и «Спид-инфо» обеспечено.

– Не Кресов, ты у меня не съедешь с выступления, за базар надо отвечать, – запричитал Никита Ильич, наливая в рюмку водку. – Или ты снова шутишь, Петросян? Ты ж смотри, я могу тоже пошутить и комиссию по разряду заверну, премию передумаю давать или из общаги заводской выселю. Так пошучу, что не смешно станет. Интересуется он, ишь грамотей.

Я молчал, слушал разговор с самим собой начальника. Шутки шутками, но видимо у прежнего обладателя этого тела существовала договоренность с начальством, о которой я ни сном не духом, сидя в кабинете Хрюшкина. Конечно, о таких вещах предупреждать надо... да как тут предупредишь. Никто мне «записочек» по эксплуатации нового себя не оставил, в курс дела не ввел. Прежний Сергей Иванович ушел по-английски, не попрощавшись, как муза в песне Высоцкого. Интересно, кстати, куда подевался сам паренек?

При мысли о том, что он, вполне возможно, очнулся в моем старом теле – покорежило. Тоже сейчас бегают бедолага, наводит суету и пытается понять происходящее. И я ведь ему никаких «записочек» не оставил, поэтому приятным бонусом для Сережи станет двушка на Пушкинской и сберегательный счет в банке. Все что от «былой славы» у меня осталось. Пусть пацан поживет.

Зато теперь от чего двадцатилетний слесарь без опыта в единоборствах дал согласие на бой, понятнее стало. Обещали молодому разряд дать, премию выписать, с общагой какой-то вопрос решить. Не раскладушками же, наверное, молодого проспонсируют... Тут другой вопрос, других кандидатов не нашлось на огромном заводе? Почему именно «меня» выбрали. Решил выяснить.

– Хрюшкин, я от боев не отказывался, не отказываюсь и отказываться не буду, на ус себе намотай, – пояснил я. – Просто интересуюсь – все ли в силе? По правилам понимание хочется чуточку большее, по сопернику. И не скромный вопрос, почему вы в меня поверили, товарищ начальник? Дюже я талантливый?

– Я-то в тебя поверил? – начальник аж водкой подавился, оправдывая свою фамилию захрюкал. – Во даешь.

– Раз на бой выставляете, верите значит, – предположил я, как мне казалось все логично.

– Кресов, ты на солнце перегрелся? В кого я там поверил, ты блин брак порешь чуть ли не каждый день, рукопожопый

ты мой, – отмахнулся начальник, осматривая выпачканную водкой рубашку. – Блин, теперь вонять будет, а мне на совещание в пять.

Он снял трубку, набрал короткий номер, за дверьми на столе секретарши забренчал телефон.

– Любочка, рубашку мне новую принеси. Спасибо, дорогая, – трубку положил, на меня уставился. – На чем мы там закончили... А! Вспомнил! Кресов, ты же сам мне рассказывал, что выйдешь и после первого удара ляжешь? – Никита Ильич достал из комода салфетку и рот принялся вытирать. – На хрена тебе еще какие-то правила, соперники? Бокс есть бокс – выйдешь, никто тебя сильно лупасить не будет, подумаешь получишь пару тумачков от таких же как ты рабочих – так меня жена сковородкой сильнее бьет. Мы же обговаривали...

Бокс, значит. Я отрывисто кивнул. Уже лучше. Бокс мы умеем, практикуем.

– Насчет остальных кандидатов, – продолжил Никита Ильич. – Если ты про Мишку Косолапова, то он отказался, чи геморрой у него вылез, чи грыжа... Ты как будто не знаешь – все мужики в отпусках, любители блин курортов Краснодарского края. Фомин вон в Туапсе умотал с семьей, хотя ходил по цеху в грудь себя бил, что выступит! А чего, нечего на меня так пялиться, попробуй их не отпусти – сразу либо голова, либо жопа заболит и на больничный, как Косолапов. Поэтому не обольщайся, что тебя кто-то куда-то выбрал...

Других кандидатов у меня в твоём весе нет, а участвовать в выступлении – положено! Вон Прядкин хотел, но куда ему с шестьюдесятью килограммами в полутяжи?

– Ясно.

– Ясно тебе, – хмыкнул Хрюшкин.

Я не удержался начальника подколоть. Вот не знаю, нравилось мне, как этот Хрюшкин из себя выходит.

– Никита Ильич, а вы бы если что меня подстраховали? Сколько в вас килограмм. Сотня? При правильной диете до восьмидесяти за пару неделек скинете. Мочегонка, банька и будете вполне себе полутяж.

Никита Ильич заулыбался, пальцем указательным в воздухе покачал.

– Вот ты пацан духовитый, не ожидал, что ты без опыта согласишься, но ты прямо в корень зришь! Я-то всерьез думал самому честь цеха отстаивать.

Хрюшкин поднялся, кулаки поднял, стойка аля Салливан и несколько джебов в воздух выбросил.

– О! О как могу, видал? Первый юношеский!

– И в каком весе?

Никита Ильич смутился, галстук поправил и крякнул что-то неразборчивое про «52». Вот это уже более логичная цифра для роста метр с кепкой.

– Так выступили бы, раз вы такой боевитый?

– По возрасту не прошел, старый, – отбрехался начальник. – А там с Сельмаша и с Горизонта ребята более-менее

обученные, кто по молодости на бокс ходил, кто даже выступал.

Чешет, как дышит, подумал я, глядя на начальника, внешне похожего на тюленя. Куда бы он там вышел. Хотя, учитывая безапелляционность подобных распоряжений, которые начальники цехов получают сверху, все может быть.

Никита Ильич, погладил солнечное сплетение (первый юношеский не помог видать), куда ему апперкот прилетел и резюмировал.

– А соревнования в силе, межзаводские. Промышленные предприятия участвуют, если что и больничный откроем... короче, ты мне чего мозги пудришь. Биться будешь?

Риторический вопрос после озвученного про общагу, слесарный разряд, премию и перспективы оказаться за забором. Знает куда надавить козел, понимает, что отказаться пареньку не с руки, вот и на голову садится. Я думал не долго. Раз прежний обладатель этого тела Хрюшкину выйти на бой обещал, то нарушать слово не с руки. В 1993 году возможностей не мало, а в моем конкретном случае все горизонты открыты. Но оценивать их хочется, имея подстеленную перинку под жопой. Что до боя, я столько лет в единоборствах провел, что как-нибудь выйду побиться против другого работяги. На опыте разберу, решением. Это только на первый взгляд кажется, что выходить на бой растренированным – опасно. На деле же я столько раз по любителям с посаженным функционалом выступал. Хочешь не хочешь, а когда

за спиной пару сотен боев в течение нескольких лет, то сложно форму круглый год удерживать, наступают спады. Однако мне тотчас одна любопытная мысль в голову пришла. Развивая ее, я спросил у начальника:

– Сколько за победу в турнире положено?

– Какая разница, что за победу положено, – отмахнулся начальник. – Главное не победа, а участие...

Потом запнулся, нахмурился и закашлялся, видимо от пришедшего осознания подавился. Понял к чему я клоню.

– погоди, ты же соревнования собрался забирать, Кресов, – и хохотом закатился. – Ну ты юморной! Светку что ли хочешь по путевки свозить на Алтай? Вот фантазер!

Ну вот, вопросы правильные задаю. Теперь мне известно, что победителю соревнований путевка положена. И оказывается, что у меня еще и с этой Светкой шуры-муры, не просто так Никита Ильич о ней говорит. Интересно, а эта горилла накаченная Виталик – он мой конкурент за сердце дамы?

– Время боя назначено то?

В этот момент в кабинет постучали. Секретарша.

– Заходи, дорогая! – Хрюшкин чистую рубашку забрал. – Любочка, ты объявление по соревнованиям уже повесила?

– Да, Никита.

– Вот, – начальник обернулся ко мне. – Любочка для кого объявления вешает, Кресов? Завтра в двенадцать как штык в ДК!

– Буду как штык, – кивнул я, надо бы еще объявление гля-

нуть.

– Все, давай топай, – Никита Ильич посмотрел на настенные часы с римскими цифрами на циферблате. – У меня совещание через пять минут, не хочу опаздывать.

С этими словами Хрюшкин начал рубашку переодевать.

– И да, Кресов, я тебе отгул на полдня подписал, уже Любанька забрала и Марату отнесла. Как ты просил. Если он там возмущаться будет, на меня вали, а то потом на планерке начнет рассказывать, что из срока вышел из-за того, что Кресова на участке нет.

Я плечами пожал – ни о каком отгуле не слышал, ясное дело. Наоборот, думал, что после визита к начальнику придется на рабочее место топать. Мастер же сказал, что у меня там не выполнено задание сменное. Ну да ладно, тем лучше, по такой жаре, учитывая, что бой на носу, лучше с завода свалить.

Хрюшкин уже надевал на себя новую рубашку с накрахмаленным воротником. Обращало внимание, что он две рюмки водки за последние полчаса приговорил, а хоть бы хны. Как огурчик. Видимо это уже профессиональная деформация такая.

– Настройся, фильмов с Ван Даммом посмотри, «Кровавый спорт», – руку мне протянул, прощаясь.

Я руку в ответ начальнику пожал, и в этот момент он поднес мне под нос кулак.

– А еще раз, падла такая, руки распустишь... – Хрюшкин

вперился в меня взглядом, выщепив слова. – В нос получишь вот этим вот кулаком. Это сейчас я тебе делаю скидку на то, что ты перед выступлением заведен. Понял?

– У матросов нет вопросов!

Опасности я никакой не почувствовал, поэтому улыбнулся, разводя руками. Хотя опасные шутки начальник вздумал шутить – инстинкты дело такое, рука сама левым боковым летит в случае опасности.

На том и сговорились. Махнул на прощание Любане, которая перестала ногти пилить и смотрела на меня волком. Не могла простить, что я ее товарища начальника помял. Сразу в кабинет к своему Никите прошмыгнула.

От Хрюшкина я выходил с ощущением, что зацепила меня новая жизнь, взяла в оборот, будто с обочины подобрала. Немного я расслабился, жирком заплыл в той прошлой жизни, пока ходил в зал, девочек молодых спортивному уму разуму учил и с молодыми в жиме соревновался. А тут на дворе 90-е, булки расслаблять не получится... зато судьба дала мне отличный новый шанс себя миру показать. Тело новое, без травм, пфу-пфу-пфу. Сколько я слышал (да и сам, бывало, грешил) присказку «а вот я бы, вернись в 90-е». И вот вернулся, Сережа, перед тобой – поле не паханное. Что просил, то и получил. Теперь осталось понять насколько вот это «а вот я бы» действительности соответствует. Смогу ли я сделать то, чего в прежней жизни не удалось? Мечта у меня давняя была – чемпионский титул по профикам взять.

С этими мыслями, я спустился с лестницы, нашел доску объявлений. Вот и плакат – открытый чемпионат по любительскому боксу среди промышленных предприятий города Ростова-на-Дону. В числе участников «Роствертол», «Ростсельмаш», «Горизонт» и другие предприятия. Угу, понятно, угу. Ниже глазами скользнул. Вот. Победители в своих весовых получают путевки на 10 дней в Алтай. Следом отправляются осенью в Москву на финал между предприятиями России.

Ну так-то в здоровом теле в здоровом дух, не все же время за станком проводить. Такого рода мероприятия сохранились и в двадцатых года следующего века, когда «Ростех» организовывал всероссийский чемпионат по боксу между работягами. Я прикинул какая у моего нового тела весовая категория. Наверное, килограммов 85 навскидку, как раз помещаюсь на грани полутяжелого. Выступим, побьемся, чего уж.

Раздевалку пришлось поискать. Прямо спрашивать у работяг куда топать переодеваться, я не стал. Подошел завуалировано к вопросу. На меня шел мужик годов, когда дети выросли, такой же рабочий, как и я, судя по спецовке. Занят он был тем, что с важным видом высмаркивал из ноздрей стружку.

– Товарищ, вы не подскажите, раздевалка открыта?

– О, Серюня, а че ты завывал! – уставился на меня мужик, вытирая пальцы о штаны и носом шмыгая.

– Не узнал!

– Богатым буду! Че там про раздевалку хотел?

Ну... логично было предположить, что, работая в цеху, прежний обладатель этого тела, реципиент то есть, мужика этого знал. Только как-то из головы выветрилось, что на заводе никто никому не «выкает», а все обращаются на «ты» независимо от возраста.

– Да я на полдня отпросился, домой иду, вот и спрашиваю, раздевалка открыта? – выкрутился я.

– Вон ты чего, тунеядец! Отказался сообразить на троих, домой намылился, хитрый жук! Как же ты у Маратика отпросился, он все утро бегал, срочные детали, срочные детали, все уши прожужжал. Говорил ты будешь делать.

Я понял, что разговариваю с тем самым Михалычем, который звал нас с фрезеровщиком выпить.

– Михалыч, так я завтра на турнире по боксу выступаю, меня Хрюшкин отпустил лично.

– Ну началось, сегодня его Хрюшкин лично отпускает, а завтра что – с Ельциным будешь за руку в Кремле здороваться? Да шучу я, шучу. Удачи тебе завтра! Чайник береги. А раздевалка – догоняй Антонинку, пока она не умайнала с ключами, а то потом хрен найдешь.

И Михалыч кивнул на тучную женщину в белом халате, косолапящую от двери, которую она только что закрыла. Вот и раздевалка нашлась.

– Ась? – обернулась женщина, когда я ее позвал.

– Раздевалку откроете?

– А ты куда намылился, Кресов? – уткнула она в бока сарделечные руки. – Обед прошел, в раздевалку без особого распоряжения не пускаем.

В итоге слово за слова, женщина передала мне ключ, закатывая глаза и причитая, что ей потом «вставят» и «все вы домой, а потом на меня Никита благим матом орет». Я отулыбался и пообещал, что проблем у нее не будет, а если будет, то «с меня шоколадка».

– Я «Аленку» люблю.

Кстати, плитка шоколада торчала у Антонины в кармане халата. Михалыч видимо уже отблагодарил.

Так и договорились. Я зашел в раздевалку, и понял, что столкнулся со следующей трудностью. Ящики работяг тянулись в два ряда по разным сторонам. Вопрос на засыпку – какой из них мой? Благо я догадался вытащить ключ от замка и увидел на нем набитые цифры 67. Ну а через пять минут уже выходил из раздевалки, одетый в брюки на два размера больше нужного, удерживаемые одним ремнем. И в клетчатую рубашку с коротким рукавом. Чувствуя себя героем анекдота «вашей маме зять не нужен?». Вспомнился старый анекдот.

– Здравствуйте, вашей маме зять не нужен? – Нужен. – ... – Ну... и что дальше? Так и будешь молчать? – Хрен знает, так далеко я ещё не заходил

Другими словами, чувствовал себя холостым красавчи-

ком. Как я понял, ни детьми, ни плетью мое нынешнее тело не успело обзавестись. Живем, я аж руками довольно потер, осознав всю широту открытых мне горизонтов.

– Сергей!

Я обернулся, и увидел перед собой свою новую «старую» знакомую Светку.

– Оу?

– Ты все-таки согласился...

Я бровь приподнял, показывая, что пока не понимаю на что согласился.

– Тебя все-таки Никита Ильич уговорил завтра драться во дворце культуры?

– Ну драться меня особо не надо уговаривать, – я подмигнул красотке.

– Ты же только сегодня убедился, что даже штангу не в состоянии поднять! – она всплеснула руками и потопала прочь, бросив напоследок. – Точно хочешь, чтобы тебе эти козлы рога поотбивали!

Че? Какие козлы, это она вообще о чем? Виталя что ли? И почему у меня рога? Это намек? Останавливать ее не стал. Вообще, какое кому дело, чем я в свободное время занимаюсь. Тело мое, что хочу, то и делаю. Хоть на голове стоять буду. Пожал плечами и потопал на выход из цеха. Бабы они такие бабы, что в 20-х, что в 90-х любят слепить из мухи слона. Ну подумаешь мужики на ринге друг друга помутузят, так это всяко лучше, чем на троих соображать, не? Ничего

Светка не понимает...

Я вышел из цеха, огляделся. Понял, что у меня следующая задачка нарисовалась – как из завода выйти? Пришлось под дурака у мужиков в курилке спрашивать.

– Товарищи, где ближайшая проходная, с которой на улицу Ленина можно попасть?

– Я тебе че диспетчерская? – ответил сухой, как палка работающий с прокуренными седыми усами и махнул рукой прямо. – Туда.

Проходная нашлась метрах в пятистах от моего цеха. Уже выходя с завода и показывая дежурному пропуск, я смекнул, что понятия не имею, где находится заводская общага. Но тут надо признать мне повезло – сразу по выходу из проходной стояло старенькое обветшалое здание из белого кирпича. На табличке у входа висела надпись:

«Общежитие № 1».

Я сунув руки в карманы и насвистывая под нос мелодию, боковым зрением увидел, как из припаркованной возле общаги «восьмерки», вылезли двое парней. И зачем-то двинулись в мою сторону.

Глава 4

Глава 4

По одному внешнему виду этих двух кренделей, я сразу понял – приблатенные. Один в синих джинсах, в туфлях и расстегнутой безрукавке на голое тело. Довольно крепкий и видно, что в зал ходит, потеет. Второй в солнцезащитных очках, майке а-ля Ван-Дам черного цвета и такого же цвета джинсах, но на ногах кеды. Комплекция немного скромнее, чем у первого, но тоже спортивный гусь, к тому же высокий.

Походка у них вразвалочку, который в безрукавке, с распальцовкой. Второй семечки лузгает. Понятно, по сути обычная гопота, боевиков насмотревшаяся. От такой показухи на зоне быстро отучают и походку у сидевших от обычных людей никак не отличить. Хотя, судя по тому, что передвигались ребята на красной «восьмерке», вполне могут быть пехотинцами. Вопрос только в том, чего им от меня надо, обычного заводского слесаря? Может у кого дома раскладушки нет или тачка на огород нужна...

Связываться с ними желания не было, сейчас такого рода кач мне ни к чему. Поэтому решил незаметно проскользнуть в общагу и избежать встречи. Проблемы мне не нужны. Ускорил шаг. Судя по тому, что парочка тоже ускорила, они как раз хотели этих самых проблем. Чем-то я им при-

глянулся.

– Стопэ, фраерок.

Что и требовалось доказать. Парняга в безрукавке вырос в дверях и перегородил ногой проход. Как бы невзначай принялся шнурки завязывать на туфлях. Я остановился. Руки из карманов вытащил. Свои шансы сразу прикинул – одного, который в дверях стоит, можно под опорную ногу подсечь и уронить. Второму двойку дать, спать отправить. Парни к такому «привету», явно, не готовы. И я бы, наверное, так и поступил, потому что с «такими» можно разговаривать только с позиции силы. Но проблема в том, что ребята явно из какой-то группировки. Я попытался припомнить, кто в Ростове начала 90-х годов занимался криминалом и первым вспомнил Эдика Красного. Сам Красный в тюрьме отбывал срок, а его соратники Белый и Грачонок сейчас воевали с тбилисскими ворами Кирпичом, Гагиком и Артюшей. А вообще, если не изменяет память, количество группировок измерялось десятками... Короче, таких тронешь, так потом приедут качать.

Опасно.

– Здорова, Серега, идем побазарим, – сказал второй в майке, оглядываясь и сплевывая скорлупки на пол.

Неожиданно, что эти парни знали как меня зовут. Значит, шли сознательно и походу, что меня у общаги пасли. Интересно какие отношения нас связывают?

– Пойдемте, – согласился я, пожимая плечами, понимая,

что предложение не подразумевает отказ.

Сказал твердо, глядя в глаза. – Перед такими ребятами нельзя страх показывать. Самому по молодости приходило предложение от «кладбищенских» вступить в их ряды, но я отказался, однако нравы этих людей запомнил очень хорошо. Страх, если ты его покажешь, вызывал у некоторых бандитов еще большую агрессию. Вот я и смотрел ему прямо в глаза, скрытые за солнцезащитными очками.

Мы отошли к ближайшему палисаднику. Парень в безрукавке облюбовал заборчик и принялся на нем трицепс качать. Второй вырос передо мной.

– Слышь, а ты кто такой по жизни? – грубо и с наездом спросил он, продолжая лузгать семечки.

У меня от вопроса аж воспоминаниями накрыло. Бывало, и не раз, когда приедешь на «Динамо» или Центральный рынок отовариваться, и – иди сюда «кто ты такой...». Я обычно на такой вопрос отвечал односложно – по роже сразу бил. Почему категорично так? Да потому что ответа на вопрос не существовало, если до тебя решили прикопаться. Обозначишь себя, как порядочный пацан, так попросят пояснить в чем заключается твоя порядочность? Ну и, если такой вопрос звучит – ты попал. Превентивный удар – лучшее, что здесь можно предложить, чтобы остаться невредимым и при имуществе. А вообще, годы спустя, я понял, что адресаты у вопроса неверные. Такие «ты кто такой по жизни» девушки должны пацанам задавать, развелось много непорядочных...

Однако памятуя, что я не хочу разжигать конфликт, пришлось вступать в разговор.

– Ты с какой целью интересуешься?

Ребятки переглянулись. Тему сразу замяли и на другие рельсы перешли, сразу в агрессию. Примерно такой результат я и предполагал.

– Ты за базар ответишь? – резко встал с заборчика тот, что в безрукавке и разминая шею подошел ко мне ближе.

Стердаун я проводить не собирался, но с места тоже не сдвинулся, помня, что если отступлю, то еще большую агрессию спровоцирую. Вот не выйдет, парни, не старайтесь, не на того нарвались. Хотя, конечно, интересно было узнать, за какой такой «базар» следует ответить и за что с меня спрашивают. Лично я ничего никому не обещал, не говорил и должен не был. А вот как дела обстояли у моего реципиента... Вполне возможно, что он что-то ляпнул, не подумав. Вероятность этого повышается, учитывая, что эти два гопника знали Сергея лично. Оно ведь как, за язык никто никого не тянет, но если ты сам молодец и что-то кому-то обещал, то слово надо держать. Ну в смысле «за базар отвечать». Я сам, забегая вперед, всегда ценил только два качества – обязательность и пунктуальность. Сказал – сделал, конкретно к тому времени, которое сам же обозначил. Оговорки, отмазки и оправдания при таких вводных – мимо. Хотя не исключаю, что слесаря, а теперь меня по наследству, просто пытались припугнуть и взять на понт. Оставалось понять,

чего они хотели.

Я, уже не в первый раз за сегодня, решил включить дурачка и ответил:

– Я работаю вон с того завода, – кивнул в сторону проходной «Роствертола». – На базар не хожу, в магазине еду покупаю.

– Не понял, Солома, это шутка такая? – покосился безрукавочник на собеседника.

– Не смешно, – сухо ответил тот, приспустил очки на переносицу и посмотрел на меня своими въедливыми глазками. – Ты походу с первого раза не врубаешься?

У-у-у... вмазанный. Глаза-то у Соломы красные, очевидно тяга к каннабиоидам. Поэтому и очки носит, чтобы беспалевно.

– Чего не понял? – также сухо ответил я. – Объясни, о чем речь и попытаюсь понять.

– Непонятливый походу, Леван?

Мои собеседники снова переглянулись, видимо решая, что со мной делать. Леван, который безрукавочник, похоже обладал взрывным нравом. Резким движением левой руки схватил меня за шею, одновременно притягивая к себе. Я движение видел, будь в форме получше и среагировать успел бы. Но сейчас лишь согнувшись пополам потопал ведомый Леваном к «восьмерке». Пока жизни ничего не угрожает, торопиться не буду, проблемы не нужны, хотя не самое приятное, когда тебя вот так таскают за шиворот.

Меня подвели к машине, Солома открыл багажник.

– Еще раз косога выкинешь и поедешь в лесополосу, – пригрозил он.

Леван, видимо для большей натуралистичности, попытался сунуть меня лицом в багажник, как нашкодившего котенка в туалет. А вот это уже перебор – там лежали перепачканные в масле тряпки и воняло каким-то дерьмом. Я вывернулся, смахивая руку с затылка.

– Руки держи при себе, не баба, чтобы мацать, – процедил я. – И запугивать меня не надо, пуганный.

Мой пируэт поставил Левана и Солому в тупик. Первый в карман зачем-то полез, не исключая, что за кастетом. Второй очки снял. К драке готовились. Я попятился, думая уже в боевую стойку становиться. И не знаю, как бы развивалась ситуация дальше, но из общаги вышел вахтер. Старик за семьдесят, на груди ордена, в том числе медаль «За взятие Берлина». В руках он держал пистолет, явно затрофеенный.

– Орлы! Мотали бы вы отсюда, я ментов вызвал, пойдем Сережа! – дед подошел и взял меня за руку. – Пойдем.

Я сопротивляться не стал. Пошел. Леван и Солома опешили, но слава богу отморозком ни тот ни другой не были, на ветерана не начали газовать. Вряд ли ментов испугались. Возможно, я много чести этим двоим отдавал и сказалось, что старик вооружен. Как обращаться с затрофеенным пистолетом, дед явно умел. А у гопников огнестрела с собой не было. По итогу Леван и Солома потерлись еще у машины,

с ноги на ногу попереминались, а потом внутрь сели, очкастый за руль, безрукавочник на пассажирское.

Отъехали.

Дед молчал все время, пока парни на «восьмерке» не смылись.

– Чего они прицепились? – спросил он, когда машина скрылась за поворотом. – С понедельника здесь ошиваются.

– Чтоб я так знал, – я пожал плечами. Действительно ведь, гопники так и не озвучили сути своих претензий. – Вам спасибо, что помогли.

– Пожалуйста. Чего ты так рано сегодня, Сереж? – старик сунул пистолет за пазуху.

– Отпросился, дел полно.

– С общагой вопрос решил? – строго посмотрел на меня старик. – На улице же останешься или в свой Урюпинск поедешь.

– Решаю, сегодня у начальника был только.

Я пока не знал, что именно следовало решать с общагой, но благо старик прокомментировал вопрос развернуто.

– Толку от твоего начальника, это не он в уставной капитал общагу включил, – дед рукой отмахнулся. – Против чего боролись на то и напоролись.

Вон оно что приватизация государственного имущества началась. Похоже, что из общаги народ либо попросили, либо предложили выкупить свои доли. Формально, если это не единственное жилье, то меня вполне могут под зад ногой

из комнаты выпнуть. Не было печали, купила баба поросю...

Погрузившись в свои мысли, я прошел мимо места вахтера, когда старик меня окликнул.

– Сережа, ключи то брать будешь? Ты мне оставлял.

Пришлось вернуться. Забрал со стойки вахтера ключи, заодно номер комнаты подсмотрел. Тридцать первая. Стало быть, третий этаж. Ну пойдем, посмотрим. Заводская общага имела пять этажей и коридорную планировку. В подобных общагах на каждом этаже располагалось по десять комнат, причем достаточно больших. Некоторым счастливицам, из числа семейных пар с детьми, могли перепасть планировки с несколькими комнатами квартирному типу. Там встречались и зал, и спальня. Мне, как молодому холостяку ничего подобного ждать вряд ли стоило. В лучшем случае одна уютная комнатка и как в любых общагах, кухня и санузел на этаже. Когда ты молодой и только начинаешь свой жизненный путь – жить вполне себе можно. Я сам провел молодость в общаге и мы всегда жили дружно всем этажом, как одна большая семья. Поэтому, оказавшись в заводской общаге, меня накрыли приятные воспоминания из юношеских лет.

Снова вспомнились слова незатейливой песенки великого барда: «Все жили вровень, скромно так: система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная». Лучше не скажешь.

Тридцать первая комната располагалась в самом конце

длинного коридора. В коридоре горел приглушенный свет, царил приятная прохлада, а возле тридцать четвертой комнаты сидел обворожительный толстый кот, вылупившийся на меня своими большими глазами.

– Мяу.

Кот поднялся и подчеркнуто лениво потерся о мои ноги. Я потрепал плюшевое существо за ухом. Судя по всему, хозяйки дома не было, а жрать коту невтерпех. Да и весь трудовой народ пахал на заводе, а детвора шастала во дворе. Я решил взять заботу о коте в свои руки, заглянул на кухню в холодильник, где обнаружил стандартный набор постсоветского человека – яйца, молоко в треугольных упаковках, пачка маргарина. Достал молоко, нашел миску и решил угостить котика. Себя тоже решил побаловать – в холодильнике нашлась большая коробочка пломбира со стаканчиками внутри. Я прихватил один стаканчик и пошел к себе в комнату.

Отпер дверь, зашел внутрь, оглядел свое новое место обитания, поджедая мороженое и улыбнулся кончиками губ. Казалось бы, всего тридцать лет прошло, а вокруг все совершенно по-другому...

Стены с остатками былой роскоши в виде отклеивающихся обоев «под дерево». Судя по тому, что самоклейки появились в обиходе к концу 80-х, ремонт в комнате был довольно свежий, но бывший обладатель этого тела уже успел его основательно «убить». На полу лежал потасканный ковер из Средней Азии, такие обычно на стены вешали. Ле-

вая стена плакатами увешена – тут тебе и Сильвестр Сталлоне с Шварценеггером и Жан Клод Ван Дамм с Брюсом Ли. Под актерами кровать, не застеленная. Полка с книгами. Уютненько. Придется, конечно, заново привыкать к тому, что утром надо занимать очередь в санузел и бронировать конфорку на плите. Но где наша не пропадала.

Я застелил кровать, уселся и, наконец, оказался наедине со своими мыслями. Здесь не шумели двигатели станков, не было Светки и Виталика, никто не пытался спросить с меня «за базар». И впервые за день я получил возможность обдумать все происходящее. Новая реальность складывалась так, что отныне я каким-то образом перенесся на тридцать лет назад. На дворе лето 1993 года, одно из самых сложных времен для современной России. На небольшой тумбочке рядом с кроватью лежала «Российская газета». Сейчас, в отсутствие интернета, газета была для меня единственным источником информации. Телевизора в моей комнатухе не нашлось. Жаль...

Я взял газету, чтобы освежить воспоминания и увидел на первом же развороте описание событий, последовавших за печально знаменитой «Черной субботой». Тогда 24 июля население жестко и нагло ограбило собственное правительство. Редакция проводила краткий обзор того, что происходит в стране.

Пенза: длинные очереди у отделений Сбербанка, в местном Сбербанке не хватает новых денег на размен.

Самара: нет разменной монеты, в магазинах сдача спичками.

Петропавловск-Камчатский: очереди в отделениях Сбербанка, многие в очередях усматривают «еще одну попытку властей ограбить народ», что делать отпускникам, получившим на руки 200–300 тыс. руб.?

Сочи: паника в санаториях. На какие деньги купить обратные билеты?

Я вздохнул, откладывая газету. М-да, и до зарплаты «новыми деньгами» еще нужно дожить. Вспомнилось, как Ельцин говорил, что ляжет на рельсы, если допустит реформу. Не лег... Сейчас, хорошо помня тот кошмар, я отнесся к происходящему куда более спокойно. До реформы 1993 года была другая не менее жесткая денежная реформа в 91. И большинство населения, как и мою семью тогда, подкосила именно она. К 93-му менять было просто нечего. Всю зарплату приходилось тратить в один и тот же день, даже хлеб и тот стоил сотни рублей, бутылка водки – тысячи. Сколько людей тогда оказались ограблены – трудно представить. Но я отчетливо помнил, как берег «на свадьбу» 1000 рублей. Очень большие бабки. И вот, в 92 году, когда свадьба состоялась, я хотел купить боксерские перчатки, которые стоили что-то около 10 тысяч. Пошел в банк и закрыл этот вклад... получив всего что-то около 2 тысяч рублей.

Короче, жопа полная. Это еще народ не знает про октябрьский путч.

Я крепко задумался. Ну что ж, Серега, ты хотел заново свои силы попробовать – вот тебе и шанс показать себя во всей красе. Ты 90-е в полном «величии» хапнешь. Денег нет, жрать особо нечего, в любой момент из коммуналки могут выселить. Какие-то бандюки наезд не пойми за что пытаются совершить. А ты на мордобой подписался.

Примерно вот такие вводные. Пути какие – либо в криминал, либо в бизнес подаваться, и тоже считай в криминал, по воронке затянет. Я посмотрел на свои кулаки, судьба сама подсказывала мне путь, с ходу выталкивая на ринг уже на второй день новой реальности...

ХЛОП.

Мысль оборвалась от хлопка и звона разбитого стекла. К моим ногам подкатился камень, обернутый тетрадным листом. Я вскочил на ноги, бросился к окну, откуда уже слышался визг колес. Леван и Солома дали по газам.

Вот же суки!

И не западло им вот так как школота, окна разбивать? Я осмотрел место происшествия и стиснул зубы. Гады, теперь комнату от осколков убирать. Подошел, поднял камушек и бровь приподнял. Ух ты ж, а на листке то еще и послание оставлено...

Глава 5

Глава 5

«Ты пакойнек», – гласила записка, оставленная на камне, продырявившем окно.

Как романтично записочки передавать. И очень даже познавательно, сразу показывает с кем дело приходится иметь. В одном слове сразу две ошибки допустили. Я скомкал листик. Сходил в санузел, там нашел веник и совок. Прибрался, выметая осколки, чтобы не дай бог стекло в ногу не загнать. Плохо, что гопота окно разбили. Придется искать фанеру, заколачивать, денег то на новое стекло все равно нет. Был бы сейчас 2023-й год, может и надо было бы в полицию такую находку отнести, заявку накатать. Но в 93-м такие вопросы было положено решать самому, по-мужски. Да и не будут менты разбираться с разбитыми стеклами. Знаем уже, проходили. Сейчас даже заявление принимать не станут, а если и примут, то все равно отказной состряпают за отсутствием состава преступления. Или вообще регистрировать заявку не будут, примут для проформы и в корзину.

Справедливости ради, я не отказывался собственные проблемы решать. Хотя, конечно, жаль, что бандерлоги к своим угрозам не добавили конкретики, а то совсем не понятно во-круг чего конфликт завязался. Я до сих пор не знал за что

с меня спросить хотят эти охламоны. Ну, да ладно, наверняка ещё увидимся, когда они меня приедут «упокаивать».

Пока голова болела из-за другого. Я оказался один на один не только с новой реальностью, но и с жизнью в новом для себя теле. Черт возьми, я теперь новая личность. Хорошо хоть скверный мой характер остался, так выжить проще. Чтобы не дать маху и понять «кто я по жизни», неплохо бы узнать подробности о моем реципиенте. Я ведь совсем ни хрена о нём толком не знаю, а инфа, как известно, миром правит. Где родился Серёга? Каким ветром его в общагу занесло. Откуда он, то есть я, в Ростов приехал. Реципиент похоже не местный, а то жил бы с мамкой и папкой. А может, я вообще детдомовский? Да и в целом, неплохо было бы узнать какая у меня есть родня, какие знакомства заведены. Мало ли, может среди круга общения Кресова найдутся реально полезные люди, готовые поддержать парня, а я не дурак от поддержки отказываться.

Наконец, до меня дошла еще одна любопытная деталь – на дворе 93-й год. Это значит, что у меня настоящего были живы отец и мать, своих стариков в прежней жизни я похоронил в 2002-м и 2007-м годах. Друзья тоже где-то по просторам Родины у меня прежнего раскиданы. Жenuшка... ну с ней лучше не встречаться, пройденный этап.

Мать честная! Как прутом раскаленным, меня другая догадка прошибла. Я, ну в смысле, из прошлой жизни который, тоже где-то здесь есть? Можно увидеть себя на тридцать лет

моложе! Меня аж дрожь по «загривку» пробрала от такой перспективы. Это от сколько ошибок я сам себя смогу уберечь? Правда, если слушать стану, потому что в начале 90-х я думал, что весь мир будет у моих ног. А он меня, в итоге, перемолол и выплюнул...

Однако, все вышеперечисленное – это планы на перспективу. Планы моей социализации и интеграции в социум, так сказать. Во завернул, надо учиться попроще мысли излагать. Негоже слесарю так выражаться. Все, что я мог бы сделать прямо сейчас, в отсутствии интернета, соцсетей и прочего мусора цивилизации – просто оглядеться. Чем и занялся, решив облазить комнату. Ничего так не говорит о человеке, как его личные вещи. Нашел в тумбочке стопку кассет – сборник студии «Союз-9»: Дама Пик, Лада Дэнс. Если есть кассеты, то и магнитофон тоже должен быть. Красавец "Вега РМ-252С" оказался припрятан под кроватью. Сунул вилку в розетку, кассету вставил.

«Яблонькой белою, спелыми вишнями Юностью, нежностью весело дышится... Трогает ласково бедную Золушку Ясное майское красное солнышко».

Старался молодой Казаченко. Далее уже под музыку, продолжил «обыск». Залез в тумбочку. Бинго! Нашел свой паспорт на имя Кресова Сергея Ивановича. Родился в 1973 году 20 октября, место рождения Белая Калитва. В ящике тум-

бы вместе с паспортом лежал военный билет, в нем значилась служба в в\ч 43105 механиком водителем. Дембельнулся весной этого года. Понятно, видимо мой реципиент сразу пошёл на завод, как из армии вернулся. Ещё в паспорт оказалось вложено свидетельство ростовского детского дома № 1. Хм... Мои дурацкие предположения оправдались. Что тут сказать? Непросто парню пришлось, детдом начала 90-х – сущий ад, но кто его пройдет, у того характер закаляется, как сталь дамасская. Тут же нашлось свидетельство о рождении, справка о состоянии здоровья. В свидетельстве о родителях и других родственниках значилось, что Кресов – сирота. Вот блин... Что в моем времени бобылем ходил, что здесь в одну каску жизнь проживаю. Ну, ничего, все еще впереди...

Но, с другой стороны, то, что сирота я, так даже проще. Учитывая, что у меня полностью отсутствует память реципиента, не надо будет голову ломать, как себя вести, когда ко мне заявится какая-нибудь мадам и назовется матерью.

Что ж, вводные есть, я выдохнул гулко, сложил документы и задвинул ящик. На сегодня потенциал Шерлока Холмса израсходован. Да и завтра бой, не стоит относиться к выступлению с прохладцей. Конечно, серьезных бойцов на заводские соревнования вряд ли выставят, откуда им там взяться, хотя кто его знает? Я не до конца понимал статусность соревнований. Но если какому-нибудь пиджак-морде от выигрыша премия перепадет или в качестве благодарности по голове

лысой погладит начальство, то всякое может быть. Привезут реальных боксеров из спортивных сообществ, копеечку заплатят, чтобы те, таких как я, работяг поубивали. Спортсменам сейчас тоже ой как непросто приходится, выживают.

Что до меня, я понимал, что за такой короткий срок не смогу сделать хоть что-то для подготовки. Тело хреновое, но опыта вагон, будем рассчитывать на него. Не пропешь его, и пусть руки у меня «крюки», но в боксе главное – голова. В нее и бьют, ей и думают. Впрочем, посмотреть на способности своего нового тела я таки решил. В глубине грела надежда, что если парень после армии и худо-бедно в зал ходил, то база для физики должна иметься.

Как готовность собственную проверить? Я макушку поскреб и принял упор лежа, на кулаках. Ничего лучше, чем сделать десяток-другой отжиманий, не придумалось.

Ну поехали.

Пять раз отжался – полет нормальный. Десять – скорость крейсерская... а вот к двадцатому разу мышцы начало печь. Пришлось закругляться и полежать с минутку на полу, в себя прийти. Я в свои пятьдесят с хвостиком на разминке делал по полтиннику повторений за подход, а тут после двадцатого раза голова поплыла, будто дури пыхнул. Организм совершенно к нагрузкам не привыкший оказался.

Казаченкова в динамиках сменила Анжелика Варум.

«О, боже мой, как ошибалась,

Ты не любил меня...»

Теперь неплохо было понять, что у нового тела со скоростью и рефлексам. Для этого заморочился – нашел удлинитель, залез на стул и привязал его вилкой к лампе. Раскачал всю эту конструкцию как маятник, имитируя удар соперника. Тренажер так себе, но общее представление мог дать. Я сделал пару уклонов от летящего на меня удлинителя, а в третий раз опростоволосился – приспособа со всего маху стукнула меня по лбу. Ёк-макарёк! Ну что же, я потер шишку, опустился на кровать и пришел к неутешительному выводу, что после завтрашнего боя новым телом надо будет обязательно заняться. Сейчас еще время такое, когда без физической подготовки опасно даже на улицу выходить.

Пока поужинал, вечер уже наступил и народ с работы пришел., Познакомился с мужиками соседями по этажу, которые предложили сыграть в «дурака» в одной из комнат. При чем женщин в игру не брали, они в лото резались. Коллектив на этаже оказался доброжелательным, я со всеми перезнакомился, все, как и я, работали на «Роствертоле» в разных цехах. За карточным столом умудрился повесить «погоны» опытным общаговским «каталам». Из-за стола встал, когда на нем появился самогон. Пришлось вежливо отказаться и идти спать. Выпить я непрочь, но завтра ждал ранний подъем, хотелось хорошенько выспаться перед боем. Блин... Давненько у меня такого мандража не было перед схваткой.

Бз-ззззз-бззззз... Дилинь-дилинь-дилинь...

Я открыл глаза и с перепуга даже подскочил с кровати. Надрывался старенький будильник, трезвонил с таким дилиньканьем, хочешь не хочешь – проснешься. Это в будущем вариаций утренних подъемов станет хоть отбавляй: плавное увеличение звука, рингтоны и прочие журчания. А тут все сразу и в лоб, вернее в барабанные перепонки. Сон как рукой сняло.

Несколько минут я приходил в себя, сидя на краю кровати и заново переваривая, что отныне для меня наступила новая реальность. И все-таки это не сон...

Следующие полчаса я на себе ощутил все прелести жизни в общежитии. Пришлось занимать очередь в туалет и к умывальнику. Параллельно застолбить конфорку на кухне, на которую тоже образовалась очередь из двух теток в цветастых халатах а-ля «Будулай» и мужика в семейниках и алкоголичке. Но процесс проходил организованно – никто не задерживал очередь, соседи отчетливо понимали, что все хотят писать, кушать и зубы чистить. Пока я очередь в санузел стоял, одна милая тетя возраста, когда его уже не спрашивают, даже уступила мне место к конфорке, узнав, что я не собираюсь завтракать и нужно мне только чайник вскипятить. Есть перед выступлением я не хотел, чтобы не засорять желудок,

а вот сил прибавить с помощью крепкого чая с тремя ложками сахара – самое то. Старый добрый «Индийский чай» в желтой упаковке с изображением слона, бодрил не хуже новомодных пуэров.

У этой же женщины я решил поинтересоваться, как дойти до Дворца культуры «Роствертол».

– Лидия Степановна, – обратился я к ней, прежде подслушав ее имя во время разговора с соседями. – Вы случаем не вспомните, какой адрес у нашего ДК?

– Заводского? – странно посмотрела на меня женщина.

– Агась.

– Адрес, не помню, – пожала она плечами. – Чего его запоминать, если вон он. Она махнула рукой в окно, из которого открывался вид на трехэтажное здание Дворца Культуры. Вот так с миру по нитке, попаданцу рубашка – я по крохам получал сведения от окружающих.

На выступление хотелось надеть спортивный костюм, но никакой одежды, кроме пары залатанных брюк и нескольких сомнительного вида рубашек, у меня не нашлось. Поэтому из общаги я выходил в том же самом наряде, в котором пришел вчера. А через пять минут уже стоял возле Дворца Культуры. Здание ДК по своим размерам и монументальности впечатляло. На окнах висело множество плакатов с расписанием кружков, студий и клубов. Из тех, что запомнились – киностудия «Молодость», ансамбль «Мозаика» и еще объявлялся набор в ВИА «Звездочка» для детей. Отдель-

но обратила внимание вывеска о наборе на карате в группу Павла Александровича Низельского, заслуженного тренера, вырастившего множество чемпионов в будущем, сейчас он только начинал свой путь. Здесь же висел плакат о соревнованиях по боксу среди рабочих, организованных Профсоюзом.

Я зашел внутрь и увидел в холле ДК кучу народа, по большей части толпившегося у противоположной стены. Там стоял стол со стаканами, наполненными компотом и заводскими пирожками. Заправляла действием тучная женщина в белом халате и чепчике, все время сдувающая со лба прядь непослушных волос. В очереди к столу стоял товарищ Хрюшкин, который чинно о чем-то переговаривался с другим запиджаченным мужичком лет пятидесяти. Увидев меня, Хрюшкин вскинул руку.

– О! Кресов! Давай сюда шагай.

Когда подошел, начальник представил меня своему собеседнику.

– Ну вот он, мой боец, Серега Кресов, слесарь третьего разряда! – гордо заявил он.

Собеседник, у которого на лбу торчала огромная бородавка, осмотрел меня критично.

– Рюшкин, тебе что больше поставить было некого? – поморщился он.

– А что не так Михаил Степанович, вы же сказали найти кандидата, я и нашел... – втянул голову в плечи начальник,

как будто от подзатыльника прячась.

– Тебе пацана что ли не жалко? У них же там какой-то разрядник или мастер, который в прошлом году соревнования выигрывал межзаводские, – пояснил Михаил Степанович.

Судя по всему – важная шишка, раз в его присутствии мой шеф млеет, как барышня на выданье.

– Ну, Михаил Степанович, – нашелся товарищ Хрюшкин. – Тут главное не победа, а участие, да Серёжа?

Я ничего отвечать не стал, пожал плечами. Чего в разговор влезать, пусть как хотят, так и думают. Вот будет умора, когда они увидят то, что будет происходить в ринге. Хотя, конечно, упоминание «разрядника» Михаилом Степановичем чуть напрягло. Но этого и следовало ожидать, видимо соревнования все же статусные.

– Так Серёжа, чего ты как истукан каменный стоишь, давай шуруй переодевайся, – затарахтел Хрюшкин. – Тут этажом выше раздевалка, где карате занимаются. Потом сразу к рингу пойдем, он там же на втором этаже, народ потихонечку собирается.

– Товарищ начальник, а перчатки, защита, форма? Выдадите? Или в том, в чем есть драться? – поинтересовался я.

– Ну конечно выдадим, это Кресов шутит так, Михал Степаныч, сейчас Митя Коваленко наш заточник все принесет... а вот и он, кстати. Митяй давай быстрее!

Хрюшкин замахал рукой, подзывая появившегося в дверях молодого шуплого паренька, передвигающегося на цы-

почках. Тот подошел, зыркнул на меня и даже не здороваясь вручил тряпочную сумку.

– Все, давай переодеваться! – распорядился начальник.

Я заглянул в сумку, обнаружил там боксерки, майку и шорты красного цвета. Ну это другое дело, не буду же я в рубашке и брюках выступать.

– Где раздевалка покажете?

– Идем уже...

Пошли к лестнице, на втором этаже нашлась раздевалка с хорошими такими основательными ящичками безо всяких замков. Выбрал первый же попавшийся.

– Ну-ка, мерь, Кресов!

Я достал форму, переоделся. Сразу стало понятно, что с размером товарищ Хрюшкин несколько прогадал. Майка и шорты были размера на два, а может даже на три больше, чем следовало и висели на мне, как на вешалке. Боксерки подошли, хотя тоже больше чем надо по размерчику.

Начальник оглядел меня, руки на груди сложил.

– М-да, великовата кольчужка, ну ничего. Потом нашему Митяю за безалаберность вставлю.

– Защиты нет? – спросил я.

– Защиты? – переспросил начальник.

– Товарищ начальник, ну яйца надо смолоду беречь, – я улыбнулся.

– Ты про это, – Хрюшкин отмахнулся. – Ща, погоди.

Огляделся, палец вверх поднял и начал пиджак с себя снi-

мать.

– Если так надо, Кресов, хочешь я тебе подплечник поролоновый дам? Вставишь куда надо? А?

– Обойдусь, товарищ начальник, – я отмахнулся. – Перчатки где?

– А вот с перчатками есть определенный дефицит... – Хрюшкин растерянно плечами пожал. – У нас всего две пары подвезли. Поэтому драться придется по очереди.

Что ответить – не нашлось. Так, значит, так. Ждать какой-то суперорганизации мне явно не стоило, поэтому будем обходиться тем, что есть. Все равно соперник со мной в равных условиях находился. Да и, откровенно говоря, через что только мне не доводилось проходить на соревнованиях в голодные 90-е годы. Пара перчаток на всех бойцов – не самый худший расклад.

– Ладно, товарищ начальник, куда идти? – спросил я.

– Идем, Серега.

Пошли в другой конец коридора, где располагался зал. По пути начальник таки признался (в холле он эту тему благополучно замаял), что Сельмаш выставил в эту категорию настоящего боксера.

– Он у них диспетчером на полставки трудится, а сам из зала не вылезает, – сообщил Хрюшкин, виновато опуская глаза.

Я снова не ответил. Разберемся, кто и откуда не вылезает.

Ринг оказался в центре просторного спортивного зала, за-

нимавшего, пожалуй, треть этажа. Парни монтажники заканчивали последние приготовления перед тем, как открыть соревнования. Народ потихоньку собирался и усаживался на длинные скамьи, выставленные перед рингом в ряд.

– Давай поближе к окну присядем, – предложил Хрюшкин. – А то жара как начнется, чтобы хоть ветерком обдувало.

– А взвешивание? Освидетельствование медицинское? – поинтересовался я, хотя уже предполагал какой будет ответ начальника.

– Неа, зачем тебе взвешивание, Кресов, у тебя же в карточке заводской вес написан и рост... – он вдруг повернулся ко мне, пальцем поближе поманил, чтобы на ухо сказать. – Если честно, Сереж, весы сломались с утра, а новые так и не нашли.

Уточнять «сломался» ли врач для освидетельствования я не стал. Похоже, что никому до этого не было дело, хотя ради порядка могли бы и терапевта позвать, у завода своя медсанчасть имелась.

– Вон он, голубчик, сельмашевский, – кивнул Хрюшкин на паренька в синей майке, но в красных штанах. – С ним будешь выступать.

Я осмотрел соперника критическим взглядом. Крепкий, видно, что со спортом на «ты». И тоже достаточно молодой, до тридцати лет. Тяжело вот так сходу определить навыки соперника по одному его внешнему виду, но я резонно пред-

положил, что парень, который в тридцать лет на заводских соревнованиях бьется, вряд ли представляет угрозу.

– Здоровый сучара, Васька зовут, погоняло «Зубокол» за то, что он нашему фрезеровщику из второго цеха зубы передние выбил в прошлом году, – прокомментировал Хрюшкин и меня за плечо потрепал. – Ничего, не дрейф раньше времени, все как договаривались – разок другой по тебе попадет и можешь на колено становиться.

На колено, пусть даже на одно, я ни перед кем никогда становился и перед этим Васькой «Зубоколом» тоже не встану. Бой рассудит, кто из нас «Зубокол», а кто мимо по случайности проходил...

Глава 6

Глава 6

Немного боксерской терминологии для лучшего понимания главы:

пик-а-бу – стиль в боксе, основанный на резких маятниковобразных движениях корпусом и нырках.

джеб – прямой удар передней рукой (из стойки правши – удар левой).

кросс – встречный удар дальней, более мощной руки по кратчайшей траектории в голову или корпус противника над его рукой.

челнок – это манера передвижения бойца с помощью легких прыжков, в сочетании с ударными действиями рук. *сочетаниичелнок* – это манера передвижения бойца с помощью легких прыжков, в сочетании с ударными действиями рук.

удар почтальона – Это два последовательных и быстрых удара передней рукой («стук почтальона в дверь»), ну а одиночным правым заряжаем точно в цель («передача посылки»).

апперкот – удар снизу вверх.

футворк – работу ног, важнейший компонент в освоении

правильной ударной техники.

крюк (хук) – боковой удар рукой, наносится согнутой рукой, левой или правой.

двойка – комбинация, в которой наносятся два прямых разящих удара сразу друг за другом разных рук.

– Во сколько начинаем, товарищ начальник? – спросил я, нетерпеливо раскачиваясь взад-вперед на скамье.

– С минуты на минуту, – Хрюшкин был занят тем, что наслонявленным пальцем оттирал со штанины пепел. – Где это я вымазюкался, жена убьет...

– Я когда буду выходить, известно?

– Да когда хочешь. Хочешь первым иди?

– Хочу.

Мне совершенно не хотелось торчать целый день на заводских соревнованиях в ДК. Но спрашивал я скорее потому, что через час – полтора из окон прямо на ринг зашпарит ростовское солнце. И все там присутствующие мигом превратятся в плавленые сырки. Выступать по жаре я и в прошлой жизни не любил, а тут до конца возможности нового тела непонятны. Оказаться в ситуации, когда придется вывешивать на плечо язык – так себе перспектива, а именно так и произойдет. Для бокса особая функционалка нужна, нагрузки здесь взрывные, те же борцы или бойцы из смешанных единоборств, и те на боксерском ринге задыхаются после первого же раунда активной работы.

– Раз не терпится, значит первый пойдешь, – заключил мой шеф, закончив со штаниной и принявшись поправлять галстук

Вряд ли Хрюшкин решал кто за кем идет, видимо моя пара действительно выступала первой. Народ успел собраться в зале, мест на скамейках оставалось все меньше. Я предположил, что работяг в ДК распоряжением сверху нагнали, и те приходили прямо в спецовках из цехов. Но судя по тому, что рабочие были довольные, как тараканы на кухне, никто из них не прочь был от работы отлынить в такой знойный день. Человек пять уже подошло ко мне, подбадривая и желая удачи:

– Серега, давай за четвертый цех накостыляй сельмашовцам! В челюсть бей! Вот так, р-раз!

Мужики хорохорились, выгибались петушками, сжимая кулаки, изображая схватку с невидимым противником. Вне ринга, каждый мостак биться с тенью. А на деле молодого слесаря отправили. Вовремя я появился в его теле. Или нет? Посмотрим сейчас...

– Обязательно, конечно, в челюсть, – я отвечал сдержанной улыбкой, по сути, первый раз видя этих людей.

Муха-цекатуха! Мои колени задрожали от нетерпения. Давно так не трясло, что это со мной. Страх? Да, ну нах?! Может, реципиент схлюздил? Не боялся дядя Сережа никаких боев, а тут вдруг мандраж до костей пробрал. Не порядок. Гормоны старого владельца тела шалют? Хрен разбе-

решь, скорее бы в бой, запарился трястись, как лист осино-
вый.

Любой завод, особенно в начале 90-х напоминал одну большую деревню. Народ друг друга знал, поддерживал и стоял стеной за сотоварищей. Я поймал себя на мысли, что ищу в зале Светку. Уж не знаю, может у нее были какие флюиды особенные, которые она посылала, но стоило мне вспомнить о ней и обернуться к дверям, как я увидел девушку в сопровождении гориллы Виталика. Явились голубчики, не запылились. Нашли себе места, сели, Виталик своей внушительной пятой точкой аж два места занял. Ему с такой комплекцией надо не в инженеры-технологи идти, а в работяги. Светка зыркнула на меня, но увидев, что я смотрю на нее в ответ, демонстративно отвернулась. Злилась, что я от боя не отказался и губки дула. Ути боже мой. Но отказаться от зрелища, когда мне по куполу настучат, наш технолог не отказалась.

– О, смотри, Кресов, судьи! – отвлек мое внимание шеф.

В зал зашли двое крепких подтянутых мужиков с носами набекрень, коротко стриженных, а майки заправлены в спортивные штаны. Сразу видно – спортсмены бывшие. Один из них тащил в руках гонг, другой боксерские перчатки. При появлении судейской бригады, к моему сопернику подошел мужичок в подстреленных брюках и с кожаной сумкой через плечо. Вытащил оттуда эластичные бинты и капу, своему боксеру вручил. Хрюшкин при виде этого действия

спохватился, сунул руку в боковой карман пиджака и достал упаковку. Тот же самый набор – бинты и капа. И то, и другое было обернутым в целлофан, муха не сидела.

– Держи, Серега, готовься, – прокомментировал шеф.

Я бинты взял, покрутил, понимая, что товарищ начальник особо не заморачивался и купил самые обычные аптечные бинты «подешевше», наверняка ведь из своего кармана пришлось расплачиваться. Есть только один нюанс, такими бинтами повязку больному наложить самое то, а в боксе эластичные бинты используются. Ну и капа нулячая, не вареная, только что из спортивного магазина походу. Мда, в рот компот.

– Капу то варить надо, – я бровь приподнял.

Не успел про бинты сказать, что выступать в таких по правилам не разрешено, как Хрюшкин себе по лбу ладошкой съездил.

– Точно, Кресов! Дурная моя голова! Ща, погоди, все будет.

Шеф выскочил из спортивного зала. На знаю куда он намылился, а я решил пока руки перебинтовать, чтобы не терять время, все равно других не будет. Бинтоваться я умел, это в 21-м веке у боксеров катмены появились, тейпирование, для уменьшения травматизма якобы. А раньше мы бинтовались сами, меня в «Крыльях советов» в свое время дядя Миша Иткин учил. Я аккуратно надорвал бинт, проделав дырочку вместо петельки на большой палец. Палец ту-

да сунул, сделал три оборота вокруг запястья, бинтуя к себе. Обернул бинт через косточку указательного пальца и следующим витком прижал накрепко большой палец вовнутрь. После сделал виток вокруг кисти и точно также зафиксировал вторую косточку среднего пальца. Некоторые делают третий раз, на безымянный палец заходят, но делать это необязательно. Липучки на обычном аптечном бинте не было, пришлось надорвать его пополам и завязать. Всю ту же самую манипуляцию я повторил на второй руке.

Обратно уже бежал Хрюшкин, держа в руках стакан кипятка с чайной ложкой, обернутый носовым платком, чтобы стекло пальцы не обжигало.

– Вот! – он поставил стакан на скамью. – Пришлось на первый этаж бегать к Зинке буфетчице за кипятком. Пойдет? Фух...

Шеф принялся вытирать пот с лица и шеи клетчатым платочком. Я капу из целлофана вытащил, в кипятик сунул. Пойдет, куда оно денется.

– Минуту засекайте, – распорядился я.

Хрюшкин вскинул руку, посмотрел на свои наручные часы «Полет», засекая время. Дождались пока секундная стрелка обогнет циферблат.

– Всё минута прошла, – сообщил он.

Я поддел капу чайной ложкой, вытащил из кипятика, подождал пока она подсохнет и остынет. Аккуратно вставил в рот, прижимая равномерно языком и пальцами к верхней

челюсти. Капа встала, как влитая. За всем действием наблюдал рефери, который перекинулся парой слов с моим соперником и теперь ожидал, когда я освобожусь. В руках мужчины держал листок, по всей видимости, со списком боксеров и боксерские перчатки.

– Так, ты у нас с «Роствертола». Фамилия как? – скрипучим голосом спросил он.

– Кресов, – ответил я.

– Четвертый цех, Кресов Сергей Иванович! Начальник Рюшкин, – гордо вставил свои пять копеек шеф.

Рефери бросил мне перчатки, на секунду задержал взгляд на моих руках.

– Бинтов нормальных нет что ли? – поинтересовался он, делая пометку в своем листке.

– Не нашли других, простите великодушно, – объяснился мой начальник.

Я уже насторожился, что меня заставят бинты другие надевать, только где их брать? Но рефери похоже было чуть меньше, чем фиолетово и спрашивал он галочки ради, на автомате.

– Ладно, перчатки одеваем и выходим. Время.

С этими словами он ушел, а я принялся перчатки надевать. Давненько не приходилось в таких боксировать – советские, у которых набивка «едет» и, в принципе, своей жизнью живет, со шнуровкой. Так себе перчаточки. Пришлось просить помочь Хрюшкина, тот с удовольствием откликнулся,

перчатки помог надеть, зашнуровал. Внимательно посмотрел на меня и отрывисто кивнул.

– Давай, Серег, аккуратненько.

* * *

Мы с соперником, которого, как выяснилось, звали Максим, стояли на худо-бедно смонтированном напольном ринге, какие применялись на небольших соревнованиях и обитали в большинстве залов России. Я занял красный угол, а Макс синий, хотя форма у него была не синяя, а двухцветная. Судя по тому, как соперник метался в углу, я предположил, что он переживает перед боем. Ну ничего, такой мандраж только на пользу идет. Страх – это отличный инструмент, главное не допустить, чтобы он сожрал тебя и выпил все силы. Я, напротив, чувствовал себя чересчур спокойно и даже расхлябанно, как будто пришел в пивнушку у барной стойки языком почесать. Похоже, смог подавить гормоны реципиента. И вот это малость настораживало. Психика – штука тонкая, мозг может не дать надлежащий сигнал в тело о мобилизации ресурсов и пиши пропало. Сколько бойцов на таком горят, когда, выходя на бой чувствуют, что организм не работает должным образом. В результате – застаиваются, ноги ватными становятся, мысли медленные... Но каким макаром, скажите мне, настроиться на рядовые заводские соревнования после того, как я побывал на крупных

международных турнирах? Вот и я не знаю. Да и надо ли?

Рефери, закончив осмотр Макса, подошел ко мне.

– Так, боец, капу покажи, перчатки.

Я повиновался, улыбнулся, капу показывая. Руки перед рефери вытянул. Тот осмотрел, шнуровку поправил и кивнул удовлетворенно.

– Первый раз выступаешь? С правилами знаком?

– Первый, знаком, – подтвердил я.

– Будь внимательней, защищай себя и слушай мои команды. После команды стоп не работаем, по затылку не бьем, удары наносим только руками и ниже пояса не лупим. Все понятно?

– Куда понятней, – пробубнил я через капу.

– На середину! Синий, тебя тоже касается.

Вышли в центр ринга, где мы с Максом друг другу руки пожали. Соперник переступал с ноги на ногу, не давая себе остыть и сверлил меня взглядом. При ближайшем рассмотрении, он оказался ниже меня на полголовы, руки достаточно короткие. Зато приземистый, мускулистый и, судя по всему, взрывной.

Я не удержался – подмигнул «Зубоколу» в ответ и улыбнулся. Капитан, капитан – улыбнитесь. Во-во. Не, ну а чего он такой серьезный? Рефери еще раз повторил свое краткое напутствие, которое я уже слышал в углу и на этот раз мимо ушей пропустил. Посмотрел на судью, сидевшего за отдельным столом, на котором стоял гонг и лежали чистый лист

с ручкой для записей. Тот в ответ на взгляд рефери кивнул. К бою все было готово.

– Бокс!

Ну наконец-то! Я руки поднял, решив поработать в правосторонней стойке, хотя умел и из левши боксировать, плюс минус у меня та же беда, что у Теренса Кроуфорда приключилась, приспособился. Макс тоже поднял перчатки и, видимо возомнив себя молодым Тайсоном, сразу колени подогнул, подсаживаясь. Таких комнатных «Тайсонов» я за прежнюю карьеру перевидал столько, сколько и не припомню. В 1993 году Майк находился на самом пике своей популярности, крушил соперников и народ всерьез верил в «пик-а-бу», считая такую тактику неким философским камнем бокса. Вот макс был тоже из таких, не удивлюсь, если у него плакат с Железным висит. Уже на подходе ко мне, он начал раскачивать маятник.

Что ж... во-первых, он далеко не Тайсон, а во-вторых, выглядел, как пингвин, балансирующий на льдине. Я же хорошо знал, как работать с такой техникой и держать соперника на дистанции. Первым «ключик» к «пик-а-бу» показал Бастер Даглас, который работал с Майком с обеих рук, применяя всю силу футворка. Закончилось все нокаутом в восьмом раунде. Уронили Майка.

У меня не было восьми раундов и слава богу. Но чуть-чуть опустив руки, чтобы угол, с которого полетит удар был для противника сюрпризом, я выбросил джеб в раскачиваю-

щуюся харю Макса. Следом, как только Зубокол выбросил удар, сунул ему кросс.

Бабам!

Если джеб противник смягчил, то кросс припечатал ему скулу. Макс успел перекрыться плечом, но, прежде, чем ему удалось сократить дистанцию, я шагнул за его рабочую руку и закончил комбинацию сдвоенным боковым печень-челюсть. Старая отработанная годами связка работала также надежно, как автомат Калашникова. Я даже руки расставил, пропуская несущегося на всех порах соперника вперед и полагая, что двух акцентированных ударов будет достаточно, что отправить Макса на пол.

Не тут-то было!

Зубокол, наглотавшись ударов, провалился и повис на канатах. Живучий, зараза! Нос перчаткой потер, хоть бы хны, как будто комарик укусил.

– Стоп!

Вмешался рефери, развернул соперника от канатов ко мне лицом.

– Бокс!

Я решил не рисковать и не застаиваться, в работу на челноке перешел. Понимал, что Макс снова будет искать свой шанс на сближении, чтобы зайти на короткую дистанцию. Рубиться особо не хотелось, зачем? В физике Макс меня превосходил, перемолет в фарш, а вот в технике между нами пропасть... Я решил, как и положено в любительском боксе,

с дистанции наступать очков себе в копилочку и в размены не ввязываться. Велосипед, да, но почему бы его не применить, когда идет результат?

Сельмашевец опять начал раскачивать свой «маятник». Я, продолжая прыгать вокруг него козликом горным, вытянул перед собой переднюю руку, а-ля Вова Кличко, хотел дистанцию чувствовать. Размах рук у нового тела был побольше, да и ростом я повыше Макса. Не давая сопернику прорваться, я выбросил удар «почтальона» – левой, левой-правой. Толком не попал, перекрывался Зубокол хорошо, но зато сразу увидел, как он вывернул корпус, и немного присел, чтобы срубить меня размашистым хуком.

Мечтать не вредно, я снова шагнул за рабочую руку Макса и, прежде чем дистанцию разорвать, прочувствовал его пещень коротким хлестким боковым, как гвоздь в доску вбил! Сельмашевец скривился, удар ощутил, но на ногах устоял, на месте запрыгал. Ничего, курочка по зернышку клюет, а я достучался до печени. А еще сделал вывод, что не могу с одного акцентированного удара противника ронять. Неприятно, конечно, раньше от таких диалогов с печенью соперники падали, а этот стоял.

Следующий выпад Макса я пропустил, сознательно, дал ему повозиться на ближней. Зубокол оказался не только крепкий мужик, но и мощный, и удары у него были свинцовые, ощущение было такое, что кто-то меня решил отхреначить молотком. Больно даже через блок, а от каждого

удара болтает, как пушинку! Поэтому я бросился в клинч, сковывая соперника. Большая ошибка многих ребят переставать работать в клинче и воспринимать его как возможность передохнуть или перевести дыхание. Макс ту же ошибку допустил, прижался ко мне, задышал, выключился. А я резко разорвал дистанцию несколькими плотными ударами по корпусу. Увенчал комбинацию апперкотом от которого у соперника болтанулась голова, как у бульдожки с качающейся головой на передней панели «шестерки» я. Зубокол выстоял и успел ответить, всадил мне чувствительный удар под дых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.